

Андрей Амелин
Андрей Смирных

**ОСВОБОЖДЕНИЕ
ОТ ДОЛГОВ В ЛИЧНОМ
БАНКРОТСТВЕ**

Москва
2022

УДК 346.26(09)+343.535
ББК 65.9-93+65.9(2)09
А615

А. Амелин, А. Смирных
А615 Освобождение от долгов в личном банкротстве. — М.:
«Издание книг ком», 2022. — 144 с.

ISBN 978-5-907-

Освобождение от долгов — ключевая идея банкротства граждан, основная цель этой процедуры. Книга рассказывает о том, как возникла идея освобождения от долгов через банкротство, как она развивалась в сравнительно-историческом контексте и приобрела современную форму.

Сейчас личное банкротство исходит из того, что возможность списания долгов следует предоставлять максимально широкому кругу добросовестных граждан. Вот только как это сделать, учитывая законные интересы кредиторов? В книге подробно рассматриваются выводы ведущих мировых специалистов — участников рабочей группы Всемирного Банка о том, как повысить эффективность личного банкротства, ускорить и упростить его процедуру, устранить часть барьеров на пути к освобождению от долгов.

Книгу можно рекомендовать практикующим юристам, студентам правовых специальностей, а также всем интересующимся проблемами банкротства.

Благодарим Анастасию Галингер за помощь в переводе цитат из Доклада Всемирного банка.

УДК 346.26(09)+343.535
ББК 65.9-93+69.9(2)09

ISBN 978-5-907-

© Амелин А., Смирных А., 2022
© «Издание книг ком», о-макет, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
АНДРЕЙ АМЕЛИН Прощение долгов как основная идея личного банкротства	9
ДРЕВНИЙ ВОСТОК.....	13
ВЕТХИЙ ЗАВЕТ	15
НОВЫЙ ЗАВЕТ	19
ДРЕВНИЙ РИМ.....	21
СРЕДНИЕ ВЕКА	23
НОВОЕ ВРЕМЯ	29
НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ	33
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	36
БИБЛИОГРАФИЯ	38
АНДРЕЙ СМИРНЫХ Пути к освобождению от долгов в личном банкротстве	41
1. КРАТКИЕ ВЫВОДЫ И ОБОБЩЕНИЯ.....	47
2. ВОЗМОЖНОСТИ, ЦЕЛИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЖИМА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАН	56
3. ОСНОВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АТРИБУТЫ РЕЖИМА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАН	66

4. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ КОНСТРУКЦИИ РЕЖИМА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОЦЕДУРНЫЕ ВАРИАНТЫ И СООТНОШЕНИЕ С НЕФОРМАЛЬНЫМ УРЕГУЛИРОВАНИЕМ.....	69
5. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА	75
6. ДОСТУП К ФОРМАЛЬНЫМ ПРОЦЕДУРАМ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ	83
7. УЧАСТИЕ КРЕДИТОРОВ	91
8. ВАРИАНТЫ ПРОЦЕДУРЫ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ. УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ЗА СЧЁТ ПРОДАЖИ ИМУЩЕСТВА.....	96
9. ВЫПЛАТЫ СОГЛАСНО ПЛАНУ ПЛАТЕЖЕЙ.....	105
10. ВЫПЛАТА ИПОТЕКИ.....	124
11. СПИСАНИЕ ДОЛГОВ.....	128

ПРЕДИСЛОВИЕ

Какие ассоциации у вас вызывает слово «банкротство»?

Мне доводилось в разговорах с разными людьми, не имеющими прямого отношения к банкротной сфере, слышать разные мнения. Наиболее часто встречаются – «разорение», крах», «конец», «катастрофа», «позор», «бедность». Распространена объективная позиция: «неплатежеспособность», «невозможность платить по счетам». Гораздо реже встречается оптимистический взгляд: «возможность освободиться от непосильного долгового бремени», «второй шанс», «начать жизнь с чистого листа».

Нельзя сказать, что резко негативное представление о банкротстве полностью лишено оснований. В прошлом несостоятельность действительно могла стать катастрофой для добросовестного человека, а законы наказывали должников крайне строго, вплоть до смертной казни. Доказать «несчастный» характер несостоятельности и снять с себя ответственность было очень сложно. В общественном сознании банкротство являлось позорным клеймом, признаком мошенника или, в лучшем случае, неудачника.

Однако ситуация кардинально изменилась. Как ни парадоксально это может прозвучать,

но сегодня личное банкротство – это один из путей к экономической свободе. К сожалению, человеку не дано начать жизнь сначала. Но банкротство может дать «второй шанс» для начала новой финансовой жизни. И это не высокопарные слова. Идея ‘fresh start’, или ‘earned start’ («нового» или «заработанного» начала экономической жизни) стала всемирно признанной целью современной несостоятельности граждан.

В середине 2021 года вышла в свет книга «Личное банкротство в России и в мире: проблемы XXI века»¹. Издание, которое вы держите в руках, является её своеобразным продолжением.

В первой части книги авторы рассматривают прощение (списание) долгов в его сравнительно-историческом аспекте. Вторая часть посвящена тому, как современные идеи о несостоятельности граждан (отражённые в Докладе группы ведущих мировых экспертов в этой сфере, подготовленном под эгидой Всемирного банка) были интерпретированы российским законодательством и практикой, а также тому, в каком направлении может развиваться личное банкротство в России в ближайшем будущем.

В непростых экономических условиях проблематика банкротства граждан приобретает дополнительную актуальность, предоставляя людям возможность найти приемлемый выход из сложных жизненных ситуаций.

Думаю, что эта книга окажется интересной и полезной для всех, интересующихся российским банкротством.

*Евгений Акимов,
управляющий директор-начальник управления
принудительного взыскания
и банкротства ПАО Сбербанк*

Москва, май 2022

---

¹ Амелин А.А., Смирных А.Г., Я-О. Хойер Личное банкротство в России и в мире: проблемы XXI века. — М.; 2021.

АНДРЕЙ АМЕЛИН

**Прощение долгов как основная
идея личного банкротства**

Институт потребительского банкротства является привычным для современных демократических обществ, и ежегодно через процедуру личной несостоятельности проходят около полутора миллионов человек. Только в США по данным официальной судебной статистики количество процедур банкротств потребителей обычно превышает 700 тыс. в год (исключение составил 2020 год, когда во время пандемии COVID-19 в США было зарегистрировано «всего» 507 тыс. банкротств)². Количество банкротств в Англии и Уэльсе в 2019 году превысило 120 тыс., а в 2020 году составило около 111 тыс. дел³. Ещё одним лидером по абсолютному количеству банкротств потребителей является Россия: в 2021 году в стране было зафиксировано более 226 тыс. процедур⁴.

Стандартным последствием прохождения через процедуру личной несостоятельности является освобождение должника от обязательств перед кредиторами. При этом, несмотря на то, что модели банкротства граждан в различных странах порой достаточно существенно различаются⁵, концепция итогового «обнуления» долгов остаётся неизменной. Чем же объясняется подобное единодушие законодателей? Обусловлено ли это общими сооб-

---

² <https://www.uscourts.gov/statistics-reports/analysis-reports/bankruptcy-abuse-prevention-and-consumer-protection-act-report>

³ <https://www.gov.uk/government/collections/individual-insolvency-statistics-releases>

⁴ Абсолютное число банкротств всегда необходимо соотносить с количеством взрослого населения страны, об этом ниже.

⁵ См., например: *Модели банкротства граждан в XXI веке: место России в современном мире.* — Амелин А.В., Смирных А.Г. *Право и экономика.* — 2021. № 5 (399). — С. 33–40.

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

ражениями гуманизма, экономической целесообразностью, политической конъюнктурой или иными причинами?

Представляется, что для ответа на этот вопрос необходимо проследить историю развития самой идеи прощения долга с древнейших времён и до наших дней, эволюция какой, по сути, и привела к возникновению института потребительского банкротства в том виде, который нам знаком сегодня.

В долине рек Тигр и Евфрат, на территории Южной Месопотамии, зародилась одна из древнейших цивилизаций в истории человечества. В Шумере возникли письменность, ирригационные сооружения, сельскохозяйственные орудия, а также древнейшие города-государства, центром которых служили храмы, представлявшие собой гигантские производственные комплексы. И хотя в настоящее время не известно точное время возникновения процентных ссуд, есть основания полагать, что именно шумерские храмовые управители ввели практику финансирования торговли с другими регионами под определённый процент.

Около 2400 года до н. э. среди местных чиновников и состоятельных купцов возникла практика предоставления ссуд под залог крестьянам, столкнувшимся с финансовыми затруднениями, и присвоения их собственности в случае, если они не могли вернуть долг. Как правило, всё начиналось с зерна, овец, коз и мебели, потом в дело шли поля и дома или же члены семьи⁶. В то же время большинство личных долгов всё-таки не были результатом фактических займов, а являлись неоплаченными сельскохозяйственными сборами, налогами и связанными с ними обязательствами перед храмовыми чиновниками.

Так или иначе, долговое бремя, которое несли жители, приводило к серьёзным негативным

⁶ *Долг: первые 5000 лет истории / Гребер, Дэвид. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. — С. 528.*

ВЕТХИЙ ЗАВЕТ

последствиям для общества. Во-первых, разрушались семьи, что было чревато демографическими проблемами. Во-вторых, крестьяне, спасаясь от долгового рабства, зачастую вступали в кочевые банды, а это вело к увеличению преступности и уменьшению количества налогоплательщиков. В-третьих, потеря земли лишала крестьян мотивации к защите территории, на которой они проживали, что делало общество более уязвимым перед опасностью завоевания внешними врагами.

Вот почему начиная с 2400 г. до н. э. шумерские правители регулярно провозглашали освобождение от долгов, тем самым восстанавливая платёжеспособность населения: долги списывались, а земли возвращались бывшим долговым рабам, которые воссоединялись со своими семьями.

Формальными поводами для издания эдиктов о долговой амнистии обычно служили восхождение на трон, окончание войны или постройка храма. Такие эдикты назывались «провозглашением свободы», при этом шумерское слово «amargi» — первое записанное слово из всех известных языков, обозначающее свободу, — дословно переводится как «возвращение к матери», поскольку именно это позволялось сделать освобождённым долговым рабам⁷.

Нужно отметить, что традиция списания долгов практиковалась не только в Шумере, но также позднее в Вавилоне, Ассирии, Египте, а иудаизм заимствовал данную практику, поместив её в центр закона Моисея.

⁷ *Долг: первые 5000 лет истории / Гребер, Дэвид. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. — С. 528.*

Глава 15 Второзакония гласит: «В седьмой год делай прощение. Прощение же состоит в том, чтобы всякий заимодавец, который дал займы ближнему своему, простил долг и не взыскивал с ближнего своего или с брата своего, ибо провозглашено прощение ради Господа [Бога твоего]».

Согласно «Библейской энциклопедии Брокгауза» «Господь предписал в Законе, чтобы израильтяне обрабатывали свою землю шесть лет подряд, а на седьмой давали ей отдохнуть. Тогда земля должна была праздновать субботу своему Господу, т. е. и земля участвовала в Божьем покое... В седьмой (субботний) год израильтянин должен был простить долг своему соотечественнику, но не иноземцу (Втор. 15:1–11), в связи с чем этот год называли также годом отпущения (шенат хашемитта, Втор.15:1; Втор.31:10), который, однако, нельзя путать с юбилейным годом (шенат хаййовель)»⁸.

Таким образом, год отдыха для земли являлся также отдыхом и для должника. При этом богословы расходились во мнении, освобождались ли должники от обязательств полностью, или просто действовал своеобразный мораторий на взыскание в течение года.

Например, профессор Александр Павлович Лопухин указывает, что «Михаэлис, Зальшюц, Олер, Пасторет, Винер, Смит и др. понимают приведённые слова в том смысле, что «прощение» состояло

⁸ *Библейская энциклопедия Брокгауза / Ринкер Ф., Майер Г. — М.: Российское Библейское Общество, 1999. — С. 1120.*

не в абсолютном прекращении права заимодавца требовать с должника данной ему займы суммы, а только в прекращении этого права в продолжение седьмого года, после которого заимодавец опять входил в свои права и опять мог требовать с должника занятой им суммы. В самом названии этого года «schemittah», говорит Зальшюц, не заключается понятие полного прощения долгов, а только оставление на некоторое время права взыскания их. Особенно замечательно, добавляет он, в этом отношении то, что глагол *schamat* — оставлять — относится не к долгу, а к руке, требующей долг. В смысле временного оставления *schemittah* употребляется и в отношении земли, когда говорится об оставлении её без обработки в седьмой год»⁹.

В то же время сам Лопухин придерживался противоположного мнения, считая, что другие положения 15 главы Второзакония наглядно свидетельствуют о необходимости абсолютного прощения долгов: «Если будет у тебя нищий кто-нибудь из братьев твоих, то не ожесточи сердца твоего и не сожми руки твоей пред нищим братом твоим, но открой ему руку свою и дай ему займы, смотря по его нужде, в чём он нуждается. Берегись, чтобы не вошла в сердце твоё незаконная мысль: приближается седьмой год, год прощения, и чтобы от того глаз твой не сделался немилостив к нищему брату твоему, и ты не отказал ему; ибо

⁹ Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: в 7 т. / под ред. А. П. Лопухина. — Изд. 4-е. — М.: Дар, 2009. / Т. 1: Ветхий Завет / [ред. группа: М. В. Грაციанский и др.]. — С. 1055. / Книга Второзакония. — С. 768–846.

он воззовет к Господу и будет на тебе великий грех».

Отдельно следует упомянуть, что существовали нормы для т. н. юбилейного года (наступал после семи субботних годов, то есть на пятидесятый год), также направленные на облегчение участи малоимущих слоёв населения. В первую очередь речь шла о возвращении беднякам в юбилейный год земли даже при отсутствии возможности её выкупить (Лев. 25:24–28). Кроме того, предписывалось освобождать рабов-евреев, а также запрещалось взимать с нуждающегося проценты с ссужаемого капитала и всякого роста с долгов натурой.

Конечно, провозглашение субботних и юбилейных годов само по себе не означало автоматического исполнения положений закона Моисея. В эпоху Второго Храма продолжали развиваться торговля и производство, соответственно, должно было развиваться и кредитование, а для этого необходимо было преодолеть «неудобные» положения о систематическом списании долгов. Вот почему Гилелем Старшим¹⁰ была введена в действие юридическая фикция под названием просбол (прозбул).

Формально догматические правила о списании долгов, конечно, не отменялись, однако им давалась расширенная интерпретация, гласящая, что прощению подлежат лишь частные долги, но не долги перед судом. Соответственно, кредиторы использовали такое толкование в свою поль-

¹⁰ Раввин, наиболее значительный законоучитель эпохи Второго Храма, основатель фарисейской школы.

НОВЫЙ ЗАВЕТ

зу и составляли письменный документ (просбол), в котором передавали долг для взыскания судьям. В действительности же, конечно, документ лишь подписывался судьями, но взыскивал долг кредитор самостоятельно.

Дополнительным требованием являлось написание просбола «в опоре на землю», то есть должнику надлежало обладать каким-либо недвижимым имуществом. Причём последнее не обязательно должно было быть эквивалентно сумме долга: достаточно и малого клочка земли, на котором можно было вырастить кочан капусты¹¹. Очевидно, за счёт этого требования делалась попытка придать просболу характер ипотеки.

Таким образом, несмотря на важное экономическое и религиозно-нравственное значение долговых амнистий, игравших большую роль в снижении уровня социальной напряжённости и поддержании платёжеспособности населения, с активным развитием института частного кредитования канонические традиции периодической ликвидации обязательств постепенно слабели.

Евангелие от Луки описывает проповедь Иисуса Христа в синагоге Назарета, во время которой Иисус объявил, что Господь направил его «благовествовать нищим... исцелять сокрушённых сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу», а также «проповедовать лето Господне благоприятное» (Лук. 4:16–19).

Если с дарованием свободы всё более или менее понятно, то возникает вопрос, что именно подразумевалось под «летом Господним благоприятным»? Богословы сходятся во мнении, что в данном случае речь идёт о том самом юбилейном годе, который в народе считался праздничным ввиду даруемых им привилегий¹². Проще говоря, Иисус проповедовал всё ту же традицию долговой амнистии.

Данный вывод подтверждается главой 6 Евангелия от Матфея, в которой сказано: «и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» (Матф. 6:12), а также главой 11 Евангелия от Луки: «и прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему» (Лук. 11:4). И в том, и в другом случае речь идёт о не-

¹¹ Фикции как фактор становления иудейского и римского права. — Тумов В.В., Малиновская Н.В. Вестник Воронежского государственного университета. — Серия: Право. 2008. № 1 (4). — С. 45–56.

¹² См., например, Толкование на Евангелие от Луки / Сост. прот. И. Бухарев, законоучитель Моск. мец. уч-щ. — М.: кн. маг. В.В. Думнова п/ф «Насл. бр. Салаевых», 1902. — С. 414.; Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: в 7 т. / под ред. А. П. Лопухина. — Изд. 4-е. — М.: Дар, 2009. / Т. 6: Четвероевангелие. — С. 1232. / Евангелие от Луки. С. 735–959.

ДРЕВНИЙ РИМ

двусмысленном указании на системное освобождение должников от обязательств.

Нельзя не упомянуть и главу 18 Евангелия от Матфея, где повествуется о царе, простившем долг своему рабу. Во-первых, примечательно, что царь простил долг полностью, несмотря на то, что раб просил лишь об отсрочке платежа. Во-вторых, интересно, что была прощена колоссальная сумма в десять тысяч талантов (более триллиона рублей по нынешнему курсу), то есть сумма, которая не могла быть выплачена априори. Прощение такого рода задолженности как нельзя лучше иллюстрирует подход, ранее действовавший на Древнем Ближнем Востоке: то, что не может быть выплачено, не должно выплачиваться¹³.

Однако вышеупомянутая проповедь Иисуса к моменту описываемых событий могла считаться практически революционной, поскольку интересы частных кредиторов в Римской империи существенно превалировали не только над интересами должников, но и зачастую над интересами правителей.

Экономические излишки, которые образовывались у населения, постепенно стали сосредотачиваться в руках крупных землевладельцев, сконцентрировавших под своим контролем большое количество земель. Расслоение общества усиливалось, долговое бремя возрастало.

Профессор экономики Майкл Хадсон отмечает: «Целью кредиторов являлась замена обычного права граждан на независимость противоположным принципом: правом кредиторов забрать заложенные имущество и средства к существованию (или скупить их по заниженным ценам), а также сделать эти трансферы необратимыми. Безопасность мелких собственников заменялась священностью долга вместо его периодической отмены»¹⁴.

Неудивительно поэтому, что во время Республики долговых амнистий не было, хотя некоторые меры для сдерживания темпов роста долговой нагрузки населения всё же предпринимались. Так, Законы двенадцати таблиц предусматривали не только разрубание должника на части, а также долговое рабство, но и устанавливали максимальную ставку кредитования — не более 1% в месяц. Периодически указанная ставка то понижалась (например, в 347 году до н. э. предельный размер ставки был снижен вдвое), то повышалась, однако любые более серьёзные инициативы, предпола-

¹³ Этот принцип был применим не только к долгам потребителей, но и долгам коммерческим. Так, по Законам Хаммурапи в случае убытка в результате нападения врагов шамаллумы (странствующие торговцы) освобождаются от обязательств (§103).

¹⁴ ... and forgive them their debts. *Lending, Foreclosure and Redemption From Bronze Age Finance to the Jubilee Year* / Hudson, Michael / - Dresden: ISLET-Verlag, 2018.

СРЕДНИЕ ВЕКА

гающие освобождение от обязательств, контроль за оборотом земельных участков и кредитованием, блокировались. Достаточно вспомнить земельные реформы Тиберия и Гая Гракхов, которые пытались остановить обнищание населения и наделить беднейших крестьян землёй, но в результате были убиты, или неудавшийся заговор Катилины, одним из ключевых лозунгов которого была отмена долгов. До наступления имперского периода, пожалуй, единственным серьёзным успехом для должников стала отмена в 326 году до н. э. института долгового рабства (*nexum*).

В 119 году император Адриан провёл масштабную налоговую амнистию, показательно уничтожив в огне документы, касающиеся задолженностей по налогам. В 178 году то же самое сделал Марк Аврелий. После падения Западной Римской империи к подобной практике изредка прибегали и правители Византии, например, в 578–582 годах налоговые долги списал Тиберий II, в 797–802 годах его примеру последовала византийская императрица Ирина, а в 1025 году император Василий II на два года отказался от налогов на землю и очаг.

Таким образом, именно облегчение налогового бремени было ключевым инструментом для помощи закредитованному и экономически ослабленному населению в Римской империи, поскольку прощение иных долгов стало, по сути, политически невозможным.

Ввиду того, что продажа должников в рабство была наконец запрещена, а членовредительство никоим образом не приближало кредиторов к возврату своих денег, ключевой мерой воздействия на должников в период Средневековья стало тюремное заключение. Система лишения свободы за долги существовала в Германии, Англии, Франции, Фландрии, Нидерландах, Италии. Широкое распространение получили специализированные долговые тюрьмы, например, в одном только Лондоне насчитывалось полдюжины пенитенциарных заведений, где содержались должники (Тюрьма королевской скамьи, Лудгейт, Маршалси, Ньюгейт, Флит, Клинк).

Помимо непосредственно тюрем использовались и другие способы ограничения свободы, например, в Англии существовали так называемые «*sponging houses*»¹⁵, представлявшие собой промежуточную инстанцию между долговой тюрьмой и свободой, где временно находились должники, пока были возможны переговоры об урегулировании долга между ними и кредиторами. Традиция подобных учреждений восходила, во-первых, к французскому договорному институту *ostagium*, который до момента выплаты займа ограничивал передвижение должника пределами городских стен, а во-вторых, к так называемым «харчевен-

¹⁵ Своё название *sponging houses*, видимо, получили по ассоциации с губкой (*sponge*), которая при сжатии отдаёт всё своё содержимое. Примерно то же самое происходило со средствами должников, которые вынуждены были оплачивать приставам крайне дорогостоящее проживание в этих заведениях.

ным договорам» (wirtschausclausel), предписывающим должнику и его поручителю проживать в гостинице.

Несмотря на кажущуюся экономическую целесообразность подобного обращения с должниками, которых лишали возможности зарабатывать, а в случае с харчевенными договорами также обременяли дополнительными финансовыми обязательствами (профессор Йозеф Колер назвал этот обычай «дурным»¹⁶), законодатели всё же находили в этом определённый смысл. Принято считать, что основной целью лишения должников свободы было не наказание за неисполнение их обязательств перед кредиторами, но понуждение должника, его друзей и родственников к скорейшему исполнению таковых обязательств¹⁷.

Однако проблема состояла даже не в бесчеловечности использования подобного инструмента работы с проблемной задолженностью, а в том, что должники, даже не будучи преступниками, подвергались такому же обращению, как и преступники. Этот факт максимально стигматизировал сам статус должника вне зависимости от конкретных обстоятельств появления задолженности, в связи с чем уничижительное отношение к финансово несостоятельным лицам позднее было подкреплено «официальным презрительным дискурсом, в котором банкроты назывались «лжецами», «мо-

¹⁶ Колер Йозеф. Шекспир с точки зрения права (Шейлок и Гамлет). — М.: 2006.

¹⁷ Tribe, J. P. (2018). *The Imprisonment for Debt Jurisdiction. Insolvency Intelligence*, (31(3)), 92–100.

шенниками», «правонарушителями», «обманщиками» и «расточителями»¹⁸.

Конечно, с развитием кредитования, торговли, транспорта эволюционировало и поведение самих должников, которые, стремясь спасти своё здоровье, свободу и хоть какое-то имущество, прятали или передавали близким имеющиеся в их распоряжении пожитки, а сами скрывались в соседних регионах. Следовательно, неминуемо должны были развиваться и средства, доступные кредиторам для взыскания долгов.

Существовавшие на тот момент механизмы взыскания ориентировались на интересы отдельных кредиторов, но не группы кредиторов. Таким образом, взыскание долгов порой напоминало если не охоту, то забег, во время которого несколько кредиторов пытались не просто догнать должника, но и обогнать друг друга. Исход такого соревнования сильно зависел от финансовых возможностей и связей действующих лиц, поэтому удовлетворял далеко не всех. Это обуславливало необходимость принятия закона, предполагающего инструменты для справедливого коллективного взыскания долгов.

Вот почему начиная с XIV века в европейском законодательстве постепенно начинают появляться нормы, на основе которых в дальнейшем будет формироваться институт банкротства, который известен нам сегодня. Конечно, на тот момент не шла речь о разделении должников на предпринимателей и потребителей или об освобождении

¹⁸ Efrat, R. (2006). *The Evolution of Bankruptcy Stigma. Theoretical Inquiries in Law*, 7(2).

несостоятельных граждан от обязательств, а само слово «банкрот» (*bancarotti*) использовалось наравне со словом «беглец» (*fugitivi*)¹⁹. Тем не менее нельзя не отметить стремление государств урегулировать проблемы взаимодействия между всеми заинтересованными сторонами в целях «выравнивания» процесса взыскания проблемной задолженности.

Пионерами выступили торговые города северной Италии: Болонья, Венеция, Пиза, Флоренция. Так, ещё в XIII веке Болонья не просто активно развивала соответствующее законодательство, но даже создала реестр лиц, изгнанных из города за долги²⁰. Кодексы Ганзейских городов уже в конце XIII века предусматривали распределение имущества должника между кредиторами в зависимости от суммы требований, но только в случае бегства или смерти должника²¹. А в самом начале XVI века в Герцогстве Брабант должнику предоставлялась возможность получить в суде специальный документ — *lettre de justice*, которым могла предусматриваться отсрочка платежа, списание части задолженности или защита от тюремного заключения (начиная с 1520 года такой

¹⁹ Treiman, Israel. *Acts of Bankruptcy: A Medieval Concept in Modern Bankruptcy Law*. *Harvard Law Review*, 52(2), 1938, pp. 189–215.

²⁰ Kuehn, Thomas. *DEBT AND BANKRUPTCY IN FLORENCE: STATUTES AND CASES*. *Quaderni Storici*, vol. 46, no. 137 (2), 2011, pp. 355–390.

²¹ Fischer, Paul. *Bankruptcy in Early Modern German Territories* In: Safey, Thomas M. (Hrsg.): *The History of Bankruptcy. Economic, Social and Cultural Implications in Early Modern Europe*. Routledge, London 2013, pp. 173–184.

документ предоставлялся только «благонамеренным» должникам)²².

В 1542 году появился первый закон о банкротстве в Англии, озаглавленный «Акт против лиц, которые действительно обанкротились»²³. Один из видных американских исследователей банкротства профессор Чарльз Джордан Тэбб иронично отметил, что, «как показывает название, акт был принят вообще без учёта интересов должника»²⁴.

Согласно данному закону процедура банкротства могла инициироваться исключительно кредиторами, которые получали удовлетворение своих требований *pro rata* за счёт реализации имущества должника. Излишне говорить, что освобождение от обязательств после завершения продажи имущества данным законом не предусматривалось, зато для должников, которые по тексту именовались «правонарушителями» (*offenders*), предусматривалось тюремное заключение.

В течение следующих 150 лет в Англии был принят ещё ряд законодательных актов в сфере банкротства (в 1570, 1604, 1623, 1662 годах), но ни один из них не принёс серьёзного облегчения положения должников, о чём наглядно свидетельствует сделанное в 1633 году заявление английского су-

²² *De Ruysscher, D. Bankruptcy, Insolvency and Debt Collection Among Merchants in Antwerp (c. 1490-c. 1540)*. in TM Safley (ed.), *The History of Bankruptcy: Economic, Social and Cultural Implications in Early-Modern Europe*. Routledge Explorations in Economic History, vol. 60, Routledge, Abingdon, 2013, pp. 185–199.

²³ 34 & 35, Henry 8, chapter 4, «An act against such persons as do make bankrupts».

²⁴ Tabb, Charles Jordan, *The Historical Evolution of the Bankruptcy Discharge* (1991). *American Bankruptcy Law Journal*, Vol. 65, pp. 325–71, 1991.

НОВОЕ ВРЕМЯ

дья сэра Роберта Хайда: «Если человека схватят и посадят в тюрьму за долги, ни истец, по чьему иску он был арестован, ни поймавший его шериф не обязаны находить ему мясо, питьё и одежду; но он должен жить самостоятельно или за счёт благотворительности других; и если никто не поможет ему, пусть умрёт во имя Бога, говорит закон; и так говорю я»²⁵.

Лишь в 1705 при королеве Анне Стюарт был принят Статут²⁶, впервые позволивший должнику получить возможность списать задолженность по завершении процедуры личного банкротства, в связи с чем данный законодательный акт является важной вехой в развитии института личного банкротства.

Конечно, освобождение банкротов от обязательств на тот момент происходило не автоматически, а с массой оговорок. Во-первых, закон применялся только в отношении торговцев (traders), потребительские же долги не попадали под сферу его действия. Во-вторых, для списания долгов банкроту необходимо было получить «сертификат соответствия» (под соответствием в данном случае понималось добровольное раскрытие и предоставление всех своих активов соответствующим должностным лицам). В-третьих, существовали обстоятельства, которые делали освобождение от обязательств принципиально невозможным, например, чрезмерные затраты неплатёжеспособного должника на азартные игры²⁷ или переписывание им имущества на детей. В-четвёртых, процедура банкротства по-прежнему не была добровольной, т. е. могла быть инициирована только кредиторами, а не самим должником (возможность самостоятельно инициии-

²⁵ Freedman, AL. *Imprisonment for Debt (1928)* Temple Law Quarterly 2, 330-365, С. 348.

²⁶ *The Statute of 4 Anna, chapter 17 (1705)*

²⁷ Суммы затрат, рассматриваемых в качестве чрезмерных, периодически менялись. На тот момент допускалось проиграть не более пяти фунтов в день и не более ста фунтов в год, предшествующий банкротству.

ровать личное банкротство появилась у должников лишь в середине XIX века).

Интересно, что законом предусматривалась возможность оставления должнику некоторой суммы в качестве своеобразного прожиточного минимума в размере не более 5% от суммы активов должника, но в любом случае не более 200 фунтов. В то же время, размер указанного довольствия мог быть ограничен управляющими имуществом банкрота, если имущественная масса должника приносила кредиторам менее 40% от заявленных ими требований. Таким образом, Статут Анны предвосхитил ещё одно условие для освобождения должников от обязательств, которое через некоторое время надолго укоренится в английском банкротном праве: минимальный процент погашения требований кредиторов.

К сожалению, даже те скромные возможности, которые появились у должников, вскоре были ещё более ограничены. В 1706 году, например, для освобождения от обязательств должника стало обязательным получение согласия большинства его установленных кредиторов, а с 1718 года должник вынужден был приносить клятву, что согласие кредиторов получено им честно.

В 1732 году при короле Георге II был принят «Акт для предотвращения совершения мошенничеств банкрутами»²⁸, который в общих чертах продолжал политику, предусмотренную Статутом Анны 1705 года: с одной стороны, была предусмотрена возможность освобождения от обязательств по завершении личного банкрот-

²⁸ *The Statute of 5 George 2, chapter 30 (1732)*

ства (при наличии статуса предпринимателя, сертификата соответствия, клятвы и т. д.), с другой стороны, должники, не соответствующие требованиям закона, признавались преступниками (felons). Начать процедуру банкротства могли только кредиторы. Также сохранялась возможность для должника сохранить за собой определённую денежную сумму и некоторое имущество, но это опять-таки зависело от размера погашенных требований кредиторов.

Статут Георга II действовал в Англии с некоторыми поправками следующие сто лет, кроме того, именно он послужил основой для первого федерального закона о банкротстве в США, принятого в 1800 году. Однако куда более примечателен другой американский законодательный акт — Закон о банкротстве 1841 года, впервые провозгласивший возможность добровольного банкротства должника.

Паника 1837 года, вызвавшая в США затяжной экономический кризис, заставила правительство страны рассмотреть возможности массового контролируемого списания задолженности своих граждан, поэтому Закон о банкротстве 1841 года стал важной вехой в истории освобождения от обязательств. Помимо уже упомянутой возможности должника самостоятельно инициировать банкротство, был расширен круг лиц, которые могли банкротиться: теперь это были не только предприниматели, но и любые лица, имеющие долги (в Англии подобная возможность появилась у потребителей только в 1861 году). Кроме того, теперь для освобождения от обязательств долж-

НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

нику не требовалось согласие 2/3 кредиторов, достаточно было согласия простого большинства.

Конечно, столь масштабные изменения не могли не вызвать бурных общественных дискуссий и серьёзного противодействия со стороны кредиторов, в результате чего Закон о банкротстве 1841 года был отменён уже в 1843 году. За два года им воспользовались 33 739 должников, из которых всего 765 не получили освобождение от обязательств²⁹.

В течение следующих нескольких десятилетий идея освобождения от долгов через процедуру личного банкротства, несмотря ни на что, продолжала развиваться. В 1844 году в Англии предпринимателям впервые было разрешено самостоятельно подавать заявления о собственном банкротстве, в 1861 году доступ к банкротству был предоставлен должникам, не связанным с предпринимательской деятельностью, а в 1883 году окончательно была отменена необходимость получения согласия кредиторов для освобождения должника от обязательств (правда, у английского суда оставались достаточно широкие полномочия для блокировки списания задолженности). Чуть позже, в 1898 году, в США был принят Закон о банкротстве, который позволял любому должнику самостоятельно подать заявление о банкротстве и в результате процедуры полностью списать свои долги, причём вне зависимости от мнения кредиторов или суда.

²⁹ Tabb, Charles Jordan. *The Historical Evolution of the Bankruptcy Discharge* (1991). *American Bankruptcy Law Journal*, Vol. 65, pp. 325–71, 1991.

Ян-Око Хойер отмечает, что формирование современных систем потребительского банкротства происходило двумя способами: англо-саксонские страны (например, Англия/Уэльс, Шотландия, Новая Зеландия, Австралия, Канада, США) реформировали уже существовавшие законы о личном банкротстве, адаптируя их к нуждам закредитованных потребителей, в то время как другие страны предусмотрели нормы об освобождении от обязательств в не связанной с предпринимательством сфере как новый правовой инструмент³⁰. Законы о потребительском банкротстве были приняты в Дании (1984), Норвегии (1992), Финляндии (1993), Швеции (1994), Австрии (1993–1995), Германии (1994–1999), Нидерландах (1998), Бельгии (1998–1999, с полным списанием долгов — 2005), Франции (1998–1999), Люксембурге (2000–2001), Эстонии (2003–2004), Португалии (2004), Словакии (2004–2006), Чехии (2006–2008), Латвии (2007–2008), Словении (2007–2008), Польше (2008–2009), Греции (2010–2011), Ирландии (2012), России (2015) и других странах.

Очевидной причиной активного развития законодательства о потребительском банкротстве в XX и XXI веке послужил рост закредитованнос-

³⁰ Heuer J-O. *Social inclusion and exclusion in European consumer bankruptcy systems.*// Paper for the Conference “Shifting to Post-Crisis Welfare States in Europe? Long and Short Term Perspectives”. Berlin. 4. Авторизованный перевод этой работы можно прочесть в указанной выше книге «Личное банкротство в России и в мире: проблемы XXI века» А.В. Амелина, А.Г. Смирных, Я-О. Хойера. — М. 2021. С.С. 11-102.

ти домохозяйств, который, в свою очередь, был вызван целым рядом факторов: финансовой политикой государств, потворствующей агрессивному кредитованию, повсеместным насаждением идеологии потребления, низкой финансовой грамотностью населения, а также частыми и масштабными экономическими кризисами.

В подобных обстоятельствах правительства не могли не считаться с бедственным положением миллионов избирателей, поэтому логичным инструментом для снижения социальной напряжённости и регулирования риска чрезмерной закредитованности стало то самое массовое прощение долгов, которое, как уже было упомянуто, систематически применялось ещё во времена бронзового века.

Получается, что по прошествии тысячелетий человечество, сделав круг, вернулось к осознанию необходимости системного и безусловного освобождения людей от имеющихся непосильных финансовых обязательств, на этот раз посредством института потребительского банкротства. При этом важно отметить, что механизм потребительского банкротства в различных странах с течением времени упрощается, становясь всё более удобным для должников. В качестве примера может служить ускорение сроков освобождения банкротов от обязательств в ряде европейских стран, в частности, даже в Германии, законодательство которой построено по модели ответственности должника перед кредиторами, с 2021 года период «добросовестного поведения» для освобождения

от обязательств снижен вдвое — с шести до трёх лет.

Более того, в начале 2000-х в Новой Зеландии появилась так называемая процедура NAP (No Asset Procedure), которая без участия кредиторов и суда позволяет гражданам при определённых условиях всего в течение года освободиться от обязательств. Интересно, что данная процедура даже не называется банкротством, дабы не стигматизировать сам подход к списанию задолженности. Вслед за Новой Зеландией институт т. н. упрощённого, или внесудебного, банкротства появился в Великобритании (речь идёт о т. н. «debt relief order»), а в 2020 году заработал и в России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всё вышеизложенное, на наш взгляд, позволяет прогнозировать следующую траекторию развития идеи прощения долгов в целом и потребительского банкротства в частности.

1. Законы о личном банкротстве продолжат появляться в различных юрисдикциях, в первую очередь это касается постсоветских и балканских стран (например, Казахстан, Сербия и др.).

2. Сохранится тренд на ускорение освобождения должников от обязательств в результате прохождения процедуры банкротства.

3. Сохранится тренд на создание мультитрековых банкротных систем, предполагающих наличие у должников различных вариантов инициирования и проведения процедуры личного банкротства, в т. ч. без участия органов судебной власти.

4. Число граждан, которые пользуются инструментом банкротства для избавления от непосильных финансовых обязательств, будет неуклонно расти, особенно в тех странах, где законодательство о личной несостоятельности достаточно молодо.

При этом важно обращать внимание не на абсолютное количество банкротств в стране, а на условный «банкротный индекс», который выражается в отношении количества банкротств к общей массе взрослого населения страны. Так, например, в России количество банкротов ежегодно увеличивается как минимум на 50% и в 2021 году составило 190 тыс. человек. Следовательно, банкротится

примерно каждый 15-й из 10 000 взрослых россиян. В то же время в США ежегодно банкротами признаются более 700 тыс. человек, и если соотнести эту цифру с количеством взрослого населения, то получится, что из 10 000 взрослых американцев ежегодно банкротятся 25 (в Англии этот показатель сегодня также колеблется около 25). Получается, что России в данном контексте ещё далеко до США и Англии, где институт потребительского банкротства действует более 150 лет. Однако, учитывая общую специфику российского банкротного законодательства (сразу после процедуры должники автоматически освобождаются от обязательств, существует внесудебное банкротство), повышение осведомлённости граждан об институте банкротства и падение реальных доходов населения, можно прогнозировать, что рост числа банкротств будет продолжаться. По нашим прогнозам, количество процедур банкротства граждан в России может достигнуть 250 тысяч в год на горизонте ближайших нескольких лет.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Модели банкротства граждан в XXI веке: место России в современном мире. Амелин А.В., Смирных А.Г. — Право и экономика. 2021. — № 5 (399). — С. 33–40.
2. Личное банкротство в России и в мире: проблемы XXI века. Амелин А.В., Смирных А.Г., Я-О. Хойер. — М.: 2021.
3. Долг: первые 5000 лет истории / Гребер, Дэвид. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 528 с.
4. Библейская энциклопедия Брокгауза / Ринекер Ф., Майер Г. — М.: Российское Библейское Общество, 1999. — 1120 с.
5. Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: в 7 т. / под ред. А. П. Лопухина. — Изд. 4-е. — М.: Дар, 2009. / Т. 1: Ветхий Завет / [ред. группа: М. В. Грацианский и др.]. — 1055 с. / Книга Второзакония. 768–846 с.
6. Фикции как фактор становления иудейского и римского права. Тумов В.В., Малиновская Н.В. — Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2008. — № 1 (4). — С. 45–56.
7. Толкование на Евангелие от Луки / Сост. прот. И. Бухарев, законоучитель Моск. мещ. уч-щ. — Москва: кн. маг. В.В. Думнова п/ф «Насл. бр. Салаевых», 1902. — 414 с.
8. ... and forgive them their debts. Lending, Foreclosure and Redemption From Bronze Age Finance to the Jubilee Year / Hudson, Michael/ - Dresden: ISLET-Verlag, 2018.
9. Колер Йозеф. Шекспир с точки зрения права (Шейлок и Гамлет). — М., 2006.

10. Tribe, J. P. (2018). The Imprisonment for Debt Jurisdiction. *Insolvency Intelligence*, (31(3)), 92–100.
11. Efrat, R. (2006). The Evolution of Bankruptcy Stigma. *Theoretical Inquiries in Law*, 7(2).
12. Treiman, Israel. Acts of Bankruptcy: A Medieval Concept in Modern Bankruptcy Law. *Harvard Law Review*, 52(2), 1938, pp. 189–215.
13. Kuehn, Thomas. Debt and bankruptcy in Florence: statutes and cases. *Quaderni Storici*, vol. 46, no. 137 (2), 2011, pp. 355–390.
14. Fischer, Paul. Bankruptcy in Early Modern German Territories» In: Safey, Thomas M. (Hrsg.): *The History of Bankruptcy. Economic, Social and Cultural Implications in Early Modern Europe*. Routledge, London 2013, pp. 173–184.
15. De Ruyscher, D. Bankruptcy, Insolvency and Debt Collection Among Merchants in Antwerp (c. 1490-c. 1540). in TM Safley (ed.), *The History of Bankruptcy: Economic, Social and Cultural Implications in Early-Modern Europe*. Routledge Explorations in Economic History, vol. 60, Routledge, Abingdon, 2013, pp. 185–199.
16. Tabb, Charles Jordan, *The Historical Evolution of the Bankruptcy Discharge* (1991). *American Bankruptcy Law Journal*, Vol. 65, pp. 325–71, 1991.
17. Freedman, AL. Imprisonment for Debt (1928) *Temple Law Quarterly* 2, 330–365, с. 348.
18. Heuer J-O. Social inclusion and exclusion in European consumer bankruptcy systems.// Paper for the Conference “Shifting to Post-Crisis Welfare States in Europe? Long and Short Term Perspectives”. Berlin. 4.

АНДРЕЙ СМИРНЫХ

**Пути к освобождению от долгов
в личном банкротстве**

Доклад Всемирного банка
о несостоятельности граждан
и российский опыт

Доклад Рабочей группы Всемирного банка о регулировании несостоятельности³¹ граждан (Report on the Treatment of the Insolvency of Natural Persons)³² был подготовлен в 2011–2012 гг. Его авторы – известные специалисты в области банкротства граждан Чарльз Килборн (Charles Kilborn), Иэн Рэмси (Ian Ramsay), Иоганна Ниemi (Johanna Niemi), Чарльз Бут (Charles Booth) и Хозе Гарридо (Jose Garrido). Это весьма пространный документ общим объёмом около ста пятидесяти страниц, из которых итоговые выводы и рекомендации занимают пятнадцать. На русский язык Доклад не переводился (насколько нам известно) и в силу этого недостаточно знаком российским читателям. В то же время это ценное исследование как с теоретической, так и практической стороны: в нём содержится глубокий сравнительный анализ законодательства о несостоятельности граждан и подробные выводы относительно того, как и на каких условиях организуется система несостоятельности граждан.

Прошло почти десять лет со дня, когда Доклад был опубликован. Какую практическую ценность он представляет для нас сейчас, когда разнообразной информации о банкротстве граждан стано-

---

³¹ В Докладе употребляется не термин «банкротство», но «несостоятельность». При переводе цитат из Доклада мы также используем исключительно «несостоятельность», а в основном изложении задеиствуем как «несостоятельность», так и «банкротство», которые являются синонимами по российскому законодательству.

³² Working Group for the Treatment of the Insolvency of Natural Persons. Report No:AC56818. <https://documents1.worldbank.org/curated/en/668381468331807627/pdf/771700WPOWB0In00Box377289B-00PUBLIC0.pdf>

вится так много, что ориентироваться в ней могут, кажется, только глубоко погружённые в эту проблематику специалисты?

Сложно себе представить, но в момент публикации Доклада в России по сути ещё не было банкротства граждан, по крайней мере, — потребительского банкротства (допускалась несостоятельность индивидуальных предпринимателей). Но с середины 10-х годов XXI века банкротство граждан в России начинает стремительно развиваться; общие нормы о потребительской несостоятельности появились только в октябре 2015 года, а уже в сентябре 2020 года вступило в силу упрощённое внесудебное банкротство, существующее только в нескольких развитых правовых порядках. Таким образом, Доклад Всемирного банка даёт нам редкую возможность проследить, как общемировые тенденции развития несостоятельности граждан отразились на российском законодательстве и практике его применения фактически без учёта предзаданности направления развития, без «эффекта колеи»³⁵. Очень интересно, во-первых, посмотреть, какие из выводов Доклада закрепились в нашем законодательстве, во-вторых, к каким практическим последствиям это привело, и, в-третьих, можно ли предсказать, куда банкротство граждан будет развиваться дальше после того, как рекомендации Рабочей группы Всемирного банка были учтены или отвергнуты. Наконец, полезно посмотреть, нет ли среди выво-

³⁵ Это, конечно, некоторое упрощение; определённая зависимость всё же есть, о чём будет сказано в разделе об институциональных основах несостоятельности.

дов Доклада таких, ошибочность которых показала дальнейшая практика.

Доклад Рабочей группы Всемирного банка содержит глубокий анализ современных (на тот момент) систем несостоятельности граждан и предлагает рекомендации относительно того, в каком направлении может развиваться законодательство о банкротстве граждан (в терминологии Доклада, которой мы будем придерживаться в данной работе, — режимы банкротства граждан).

Структура выводов Доклада следующая:

1. Краткие выводы и обобщения;
2. Возможности, цели и характеристики режима несостоятельности граждан;
3. Основные правовые атрибуты режима несостоятельности граждан;
4. Несостоятельность и неформальное урегулирование задолженности;
5. Институциональная основа;
6. Доступ к формальным процедурам несостоятельности;
7. Участие кредиторов;
8. Варианты процедуры несостоятельности и удовлетворения требований, удовлетворение требований за счёт продажи имущества;
9. Выплаты согласно плану платежей;
10. Выплата ипотеки;
11. Списание долгов.

В дальнейшем изложении мы проанализируем сделанные Рабочей группой Всемирного банка выводы в том порядке, который соответствует структуре Доклада, и предложим своё видение

предлагаемых ею решений. Обширное цитирование обусловлено отсутствием к настоящему моменту известного нам перевода Доклада на русский язык.

1. КРАТКИЕ ВЫВОДЫ И ОБОБЩЕНИЯ

В «Кратких выводах и обобщениях» содержится ставшее сейчас общим местом, но на тот момент ещё недостаточно привычное утверждение о том, что общество сталкивается с необходимостью радикального пересмотра подхода к несостоятельности граждан, поскольку возникли новые, не характерные для предыдущих периодов развития несостоятельности, вызовы. Это связано, в первую очередь, с осознанием нового социального риска — риска перекредитованности (*over-indebtedness*) значительного количества потребителей³⁴ и невозможности их исключения из нормального хозяйственного оборота.

Уровень задолженности граждан настолько высок, что его уже нельзя игнорировать и продолжать решать вопрос о последствиях банкротства по-старому. Так, в США, по данным Американского союза гражданских свобод (ACLU), у 77 млн человек (т. е. у каждого третьего взрослого гражданина) есть долги, взыскание которых передано

---

³⁴ На наш взгляд, перекредитованность граждан — частный случай более общей проблемы перекредитованности современного общества в целом. Ещё одним наглядным её проявлением является многократное увеличение государственного долга экономически развитых государств, который в XXI веке только возрастает. (Подробно об этом см. Фергюсон Н. Великое вырождение: как разрушаются институты и гибнут государства. — М.: 2016. — С. 52.) Подобно тому, как рост государственного долга означает перекладывание существующих сейчас проблем на будущие поколения, в сфере кредитования граждан радикальное увеличение их задолженности, скорее всего, тоже может свидетельствовать об откладывании проблем «на потом», а не о готовности использовать заёмные средства для развития.

коллекторским агентствам³⁵. В России количество потенциальных банкротов также достаточно велико: по некоторым оценкам их более 4,5 млн человек (если учитывать тех граждан, которые с недавних пор могут воспользоваться упрощённой процедурой)³⁶. Исключение этих людей из полноценного хозяйственного оборота или даже ограничение их прав не самая лучшая идея как с точки зрения необходимости экономического роста, так и с политических позиций (невозможно игнорировать интересы такого количества избирателей).

Авторы Доклада так говорят о новых вызовах, возникших перед современными системами несостоятельности граждан:

387. В последние десятилетия законодатели столкнулись с множеством негативных последствий, вызванных стремительно увеличивающимся масштабом долгового кризиса среди физических лиц³⁷. Данная проблема отразилась на тех государствах, которые не только различаются по своим культурным условиям, истории и общественному строю, но и находятся на разных стадиях экономического и финансового развития. Как развитые, так и развивающиеся страны столкнулись со

³⁵ См. отчёт: *A Pound of Flesh. The Criminalization of Private Debt.* <https://www.aclu.org/report/poundflesh-criminalization-private-debt>.

³⁶ См., например, <https://fedresurs.ru/news/ce0f662f-70a8-4e9c-afb0-293e87bd4232?attempt=1>, <https://www.rbc.ru/finances/26/11/2019/5ddcfcea9a794731778589c8>.

³⁷ В переводе цитат из Доклада Всемирного банка термины «граждане» и «физические лица» используются как синонимы.

сложностями в результате широкого распространения несостоятельности среди граждан, особенно по мере расширения доступа к финансированию для всё увеличивающегося числа физических лиц, принадлежащих к разным слоям общества. По мере того как всё большее количество людей пользуется преимуществами доступа к финансированию для осуществления предпринимательской деятельности и потребительских целей, всё острее проявляется необходимость преодоления неизбежных экономических издержек. Чрезмерная задолженность создаёт серьёзные экономические проблемы, выражающиеся в снижении производительности широких слоёв населения под бременем долговых обязательств, что подрывает инициативность граждан и снижает их производственный потенциал.

Стоит отметить, что уровень обобщений в тексте Доклада достаточно высок и иногда кажется чрезмерным. Но сложно не согласиться с основной мыслью авторов: несостоятельность больше не воспринимается как некий эксцесс, она становится всё более привычным явлением. За шесть с небольшим лет такое изменение восприятия банкротства постепенно произошло и в России. Но это также может означать, что прежними методами с проблемами несостоятельности уже не справиться:

388. Законодательство о несостоятельности в его классическом понимании часто оказывалось непригодным

для решения описанных новых проблем, поскольку его возникновение обычно было обусловлено иными обстоятельствами и преследовало иные цели. Безусловно, многие цели двух типов правового регулирования несостоятельности юридических и физических лиц пересекаются, как, например, увеличение объёма погашения задолженности, более справедливое распределение денежных средств среди кредиторов, а также совершенствование процедур взыскания и улучшение экономических показателей во благо общества в целом. Между тем, законодательство о несостоятельности в его классическом понимании направлено на защиту кредитов и бизнеса, часто игнорируя личный элемент. Стремление облегчить долговое бремя, возложенное на граждан, более явно прослеживается в процедуре несостоятельности физических лиц и занимает в такой процедуре центральное место.

Здесь в Докладе даётся верхнеуровневое объяснение того, почему нельзя решать новые проблемы с помощью традиционного подхода к несостоятельности — некоторого варианта конкурсного производства. Даже в странах, где принята прокредиторская модель законодательства о банкротстве, уже не получается исходить только из необходимости максимально полного удовлетворения требований кредиторов. Это следует хотя бы из того, что в подавляющем большинстве процедур банкротства граждан взыскивать просто

ничего. А, как говорил шекспировский король Лир, «из ничего не выйдет ничего».

Так, даже в Австрии и Германии, где принята очень жёсткая по отношению к должнику модель ответственности (liability model)³⁸, которая в теории должна давать наибольшие преимущества кредиторам и обеспечить им самый высокий уровень возврата задолженности по сравнению с другими системами, у 80% граждан, в отношении которых проводится процедура банкротства, нет ни активов, ни доходов³⁹. Соответственно, в 80% дел о банкротстве расходы по их администрированию никак не могут быть покрыты за счёт средств, полученных от должника, не говоря уже о том, чтобы что-то досталось его кредиторам. Это верно и для России: у 88% должников не обнаруживается имущества по результатам инвентаризации, и в 68% процедур кредиторы не получают вообще ничего после завершения процедуры не-

---

³⁸ Суть этой модели: гражданин освобождается от ответственности по обязательствам только после того, как он в течение многих лет после завершения процедуры банкротства (в Австрии — семь, в Германии до недавних пор было шесть лет, после реформы 2020 года стало три года) продолжает выплачивать свои долги, причём в Австрии для освобождения от обязательств он должен заплатить не менее 10 процентов от общего размера требований плюс издержки по ведению процедуры банкротства (в Германии такого требования нет, поэтому её система считается чуть менее жёсткой по отношению к должнику, чем австрийская). Более подробно о модели ответственности можно прочесть в статье «Модели банкротства граждан в XXI веке: место России в современном мире». Амелин А.В., Смирных А.Г. — *Право и экономика*. — 2021. — № 5 (399). — С. 33–40.

³⁹ См. *Личное банкротство в России и в мире: проблемы XXI века*. — М.: 2021. — С. 56–57.

состоятельности⁴⁰. Данные приведены за 2021 год, но начиная с 2015 года они стабильны и сопоставимы с приведёнными.

Таким образом, традиционное конкурсное производство (и его производные аналоги) уже вряд ли могут считаться основной моделью банкротства граждан, коль скоро в большинстве случаев издержки на проведение процедуры выше, чем доходы.

Следовательно, изменения в сфере потребительского банкротства в начале XXI века действительно стали насущной необходимостью.

Всемирный банк обратил — и справедливо, на наш взгляд, — особое внимание на необходимость просвещения в сфере банкротства граждан и, прежде всего, тех, от кого зависит разработка и принятие законодательных решений. Это особенно важно в свете сказанного выше: традиционные методы регулирования показывают неэффективность, нужно искать новые, а для этого крайне необходимо глубокое погружение в проблематику современной несостоятельности граждан. К сожалению, просветительской и образовательной деятельности в этом направлении пока явно не хватает:

391. Одной из главных целей настоящего Доклада является повышение осведомлённости о значимости правового регулирования процедур несостоятельности физических лиц. <...> Цель Доклада

⁴⁰ <https://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20Федресурс%20банкротство%2031%20декабря%202021.pdf>

состоит не в том, чтобы убедить разработчиков правового регулирования последовать примеру существующих в настоящее время режимов, а скорее в том, чтобы предоставить новую информацию для обеспечения их собственного независимого процесса развития.

Участники Рабочей группы открыто признавали, что на момент подготовки Доклада оказалось возможным обозначить связанные с несостоятельностью физических лиц проблемы, которые стоят перед современным обществом, но не предложить оптимальный способ их решения. В литературе часто выделяются четыре модели банкротства граждан: модель ответственности /liability model/ (Австрия и Германия; предполагается приоритет принципа ответственности несостоятельного перед кредиторами), модель милосердия, или прощения /mercy model/ (Франция и страны Скандинавии; основная идея — государственные органы с широким кругом полномочий определяют, к какому конкретному гражданину и в каком объёме применяется механизм освобождения от долгов), рыночная модель /market model/ (США и Канада; подразумевается быстрое освобождение должника от обязательств и возвращение его на рынок кредитования с перенесением основных рисков на кредиторов) и модель ограничений /restrictions model/ (Англия, Австралия, Новая Зеландия, с определёнными оговорками — Россия; она похожа на рыночную модель, но с ограничениями для должников в качестве механизма защиты

общественных интересов)⁴¹. Но ни одна из этих моделей не даёт однозначно лучших (количественно измеримых) решений и поэтому не является основной для мирового сообщества. Поэтому в Докладе и говорится о том, что пытаться определить, какой опыт регулирования является наиболее передовым, преждевременно. Видимо, это верно и сейчас, десять лет спустя. По крайней мере, какого-то общего ориентира для современных реформаторов регулирования несостоятельности граждан ещё не появилось.

392. В настоящем Докладе определены общие проблемы, а также проверенные временем стратегии их разрешения.

Существует множество идей и практических решений, которые были реализованы с глобальной целью создания системы, обеспечивающей получение преимуществ должниками и их семьями, кредиторами, а также обществом в целом. Не существует единого или лучшего решения, подходящего для любого государства, которое учитывало бы все конкурирующие факторы, однако данные проблемные вопросы должны быть рассмотрены разработчиками правового регулирования в любом государстве, чтобы найти разумное решение проблем, связанных с чрезмерной задолженностью физических лиц. Любой поиск наилучше-

го пути развития должен основываться не на предположениях и отдельных случаях, а на обобщении фактических наблюдений за существующим опытом. <...>

---

⁴¹ Подробнее о указ. соч. см. Амелин А.А., Смирных А.Г. Модели банкротства граждан в XXI веке: место России в современном мире. — *Право и экономика*. — 2021. — № 5 (399). — С. 33–40.

2. ВОЗМОЖНОСТИ, ЦЕЛИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЖИМА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАН

Важнейшая цель несостоятельности граждан в современном мире — обеспечение добросовестным должникам возможности освободиться от долгов по понятным правилам, в краткие сроки и с невысокими издержками на процедуру банкротства.

393. Ожидается, что режим несостоятельности граждан должен отвечать широкому набору целей, характерных для современных обществ. Не являясь более простым, ориентированным только на защиту интересов кредиторов механизмом принудительного взыскания долгов с несостоятельных субъектов коммерческой деятельности, законодательство о несостоятельности сейчас предусматривает определённые выгоды для должников-граждан. Освобождение от долгов для «добросовестных, но потерпевших неудачу» должников уже на протяжении долгого времени является главной целью института несостоятельности граждан. Кроме того, — что ещё более важно, — такой режим создаёт преимущества для общества в целом. Таким образом, правовой режим несостоятельности граждан преследует не только цели увеличения объёма платежей в пользу отдельных кредиторов и обеспечения справедливого распределения полученных денежных средств

между кредиторами, но и, что также важно, цели освобождения от долгов для должников и их семей, и обращается к ещё более широкому кругу социальных вопросов. Для достижения этих целей режим несостоятельности граждан должен стремиться к достижению баланса конкурирующих интересов.

В общем, российское законодательство о банкротстве граждан соответствует тем целям, которые декларируются в приведённой цитате из Доклада Всемирного банка. Для обеспечения защиты кредиторов в России действуют механизмы продажи активов в процедуре реализации имущества должника (другое дело, что их эффективность невелика — уровень возврата задолженности в банкротстве граждан составляет 5%; впрочем, это сейчас даже превышает уровень возврата задолженности в банкротстве юридических лиц — он равен 3,5%)⁴².

При этом в нашей системе обеспечивается сравнительно недорогой доступ к процедуре банкротства; вознаграждение финансового управляющего составляет всего 25 тыс. рублей за процедуру⁴³. Действует также упрощённая вне-

⁴² <https://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20Федресурс%20банкротство%2031%20декабря%202021.pdf>.

⁴³ Другое дело, что основная проблема должника на старте процедуры состоит как раз в поиске таких управляющих, которые готовы работать за достаточно скромное вознаграждение. На практике гражданам приходится обращаться к посредникам, которые оказывают услугу «банкротство под ключ» по цене 100–200 тыс. рублей (в зависимости от региона). К счастью, сегодня стали появляться бесплатные для граждан сервисы по подбору арбитражных управляющих для личного банкротства, например, www.myfreshstart.ru.

судебная процедура для малоимущих граждан. Что касается уровня освобождения от долгов после прохождения процедуры банкротства, то он очень высок: так, по состоянию на 2020 год из 165 тысяч завершённых и прекращённых процедур реализации имущества только в 799 случаях (около 0,5%) суд отказал в освобождении от долгов⁴⁴.

Сказанное, разумеется, не означает отсутствия необходимости дальнейшего развития, но для системы несостоятельности граждан, которая существует всего шесть лет, это, думается, неплохие результаты. Можно было бы сказать, что банкротство граждан в России в целом структурировано правильно согласно подходу Всемирного банка:

394. Правильно структурированный режим несостоятельности граждан одновременно снижает напрасные затраты и стимулирует производительность. Предотвращение напрасных затрат и поощрение производительности может достигаться посредством ограждения кредиторов от бесплодных расходов, связанных с попытками взыскания, и создания стимула для должников к раскрытию и даже созданию дополнительных ценностей для кредиторов и общества.

Однако есть по крайней мере одна существенная проблема построения российской системы. Реабилитационная процедура (или, в терминологии Всемирного банка, план платежей) у нас прак-

⁴⁴ Подробный анализ проблемы см. в работе: *Отказ в освобождении от долгов. Обзор судебной практики.* А. Стешенцев, А. Кобенко, В. Ефремов, А. Малькова. — Арбитраж.Ру. — 2019. — С. 24.

тически не работает: планы реструктуризации долгов утверждаются менее чем в 0,2% от общего числа процедур банкротства, не говоря уже об их исполнении. Более подробно эта проблема рассматривается ниже в Разделе 9 «Выплаты согласно плану платежей».

Рабочая группа Всемирного банка отмечает, что эффективная система банкротства оказывает положительное влияние на общество в целом. К сожалению, у нас пока нет инструментария, который позволил бы адекватно измерить степень этого влияния; не исключено, что какие-то из факторов недооценены или, напротив, переоцениваются.

395. Выгоды для кредиторов и должников создают побочные эффекты для общества в целом. Они включают в себя:

- создание системы надлежащей оценки отчётности;
- снижение непроизводительных расходов на взыскание и уменьшение дисконта при продаже проблемных активов;
- поощрение ответственного заимствования;
- снижение негативных внешних последствий от некорректной оценки рисков;
- концентрация убытков на более эффективно действующих экономических субъектах;
- снижение социальных издержек, связанных с заболеваниями, преступностью и безработицей;

- повышение уровня налогооблагаемых доходов;
- максимизация экономической активности;
- поощрение предпринимательства и
- повышение стабильности и предсказуемости финансовой системы и экономики в целом.

Действительно, наиболее важное соображение, в соответствии с которым формируется режим несостоятельности граждан, — необходимость смягчения системного негативного воздействия от неурегулированных проблемных долгов. Такое смягчение вносит свой вклад не только в создание более здоровой и стабильной внутренней экономической ситуации, но и в поощрение более широкой международной конкуренции в условиях глобальных рынков.

Стоит отметить, что сложность измерения вклада режима несостоятельности граждан в общую ситуацию с проблемными долгами связана с многочисленностью факторов, влияющих на этот рынок, и разной направленностью такого влияния. Даже в формально более простой ситуации в России, когда можно сравнивать недавний период отсутствия несостоятельности граждан с современной картиной (она более простая по сравнению с теми правовыми порядками, где банкротство физических лиц существует уже давно), вмешивается слишком много внешних и внутренних обстоятельств, чтобы правильно определить,

что именно явилось следствием работы механизмов несостоятельности, а что просто коррелирует с ней.

Всемирный банк обращает внимание на ещё одну дополнительную сложность, которая возникает при регулировании отношений банкротства граждан: здесь гораздо большую роль играют соображения морали и неформального регулирования. А, следовательно, ещё сложнее прогнозировать влияние законодательных изменений на реальную повседневную жизнь, чем в банкротстве юридических лиц. Нужно учитывать и естественный консерватизм массового сознания, которому обычно не свойственны резкие изменения в оценке тех или иных общественных явлений, а стигматизация банкротства — одно из самых традиционных представлений о нём, которое вряд ли можно изменить быстро и эффективно.

396. Особый контекст, существующий в отношении должников-граждан, также обуславливает необходимость переосмысления традиционных средств достижения указанных выше целей. Мощенничество со стороны должников, стигматизация банкротов, моральные риски несостоятельности реализуются иначе в сфере несостоятельности граждан, в жизни которых эмоциональная составляющая, потребление и предпринимательство составляют сложный комплекс, по сравнению с коммерческими юридическими лицами. Культурные и исторические различия могут

обуславливать разницу подходов к решению этих вопросов, но общий контекст несостоятельности граждан требует внимательного отношения к оценке их ожидаемого воздействия и возможности смягчения их системных негативных последствий. Соображения моральных рисков несостоятельности и возможности злоупотреблений со стороны должников как препятствий на пути развития несостоятельности граждан сейчас преодолены во многих существующих системах несостоятельности, и эти соображения не должны препятствовать законодателям извлекать выгоды для кредиторов, должников и общества в целом, которые характерны для современных систем несостоятельности граждан.

Стоит отметить, что те из связанных с моралью проблем несостоятельности граждан, которые мы сейчас вынуждены решать, судя по всему, представляют лишь видимую часть айсберга. Вероятно, по мере роста количества освобождённых от обязательств должников будет нарастать моральное противоречие, связанное с тем, что одни люди добросовестно работают и платят долги всю жизнь, а другие — и очень многие — получают легальную возможность этого не делать. Как это повлияет на (пере)осмысление массовым сознанием принципа необходимости исполнения обязательств, когда накопится критическая масса признанных банкротами должников, вряд ли кто-то сейчас возьмётся предсказать.

Ещё одна глобальная моральная проблема, которая выделяется в Докладе Всемирного банка, — это самоограничение доступа к системе освобождения от долгов в процедуре банкротства со стороны многих должников. Не стоит смешивать его с теми ограничениями доступности банкротства, которые связаны с высокими издержками, сложностью правил, формальными административными барьерами, продолжительностью сроков и т. д. Это именно нежелание прибегать к процедуре несостоятельности, которое вызвано негативной оценкой этой процедуры и осуждением тех, кто ею воспользовался, в общественном сознании.

397. Намного трудней разрешить не проблему ограждения системы несостоятельности от доступа недобросовестных должников, а проблему вовлечения «добросовестных, но потерпевших неудачу» должников в эту систему несостоятельности. Даже в хорошо развитых системах несостоятельности значительное количество должников продолжают избегать обращаться к ним или обращаются существенно позже, чем это было бы оптимальным для них и для других бенефициаров системы несостоятельности. Хотя отношение к долгу и культурная стигматизация несостоятельности меняются медленно, и мало что можно сделать для того, чтобы немедленно изменить такое отношение, политики могут принимать решения для того, чтобы

уменьшить стигматизацию, и уже принимают такие решения. Такое уменьшение стигматизации, связанной с несостоятельностью, требует общественных образовательных и просветительских кампаний, которые могут исправить ложные общественные представления о новых способах освобождения от долгов. Отказ от осуждающих лексических оборотов в законодательстве, отмена или значительное сокращение сложившихся исторически длинных списков наказаний, гражданской ответственности и ограничений, которые являются следствием несостоятельности, могут также оказать положительное воздействие и внести свой вклад в снижение стигматизации, ассоциирующейся с освобождением от долгов. Введение правил списания долгов и расширения видов имущества, на которое распространяется исполнительский иммунитет, имеет похожий эффект. Со временем такие изменения могут создать для граждан-должников стимулы для того, чтобы воспользоваться системой освобождения от долгов.

Во многих странах мы наблюдаем стремление к тому, чтобы отказаться от употребления терминов «банкротство» и даже «несостоятельность» применительно к гражданам, как, например, во внесудебной процедуре банкротства в Новой Зеландии, которая называется «процедурой без активов» (No Asset Procedure, NAP), или в Англии, где используется конструкция «порядок освобождения от долгов» (Debt Relief Order, DRO).

В России пока такого нет, хотя при обсуждении в 2019–2020 гг. законопроекта о внесудебном банкротстве озвучивалась идея отказаться от термина «банкротство» в отношении малоимущих граждан.

3. ОСНОВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АТТРИБУТЫ РЕЖИМА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАН

Всемирный банк предлагает несколько общих правил для рассмотрения процедуры несостоятельности граждан. Он считает необходимым проанализировать процедуру банкротства в общем контексте всех существующих в правовом порядке способов урегулирования задолженности — формальных и неформальных, а также разобрать её внутреннюю структуру как набор обязательных атрибутов.

398. Развитие правового режима несостоятельности граждан предполагает необходимость тщательного рассмотрения многих вопросов, характерных только для несостоятельности граждан, занимаются они коммерческой деятельностью или нет. Необходимо также учитывать, что система несостоятельности граждан и основные правила потребительского и коммерческого кредитования тесно переплетены.

399. Существуют наборы основных правовых атрибутов, характерных для несостоятельности граждан. Они включают соотношение процедуры несостоятельности и неформальных согласительных процедур, роль судов, агентов и посредников, условия доступа к процедуре несостоятельности и цену, которую, если она установлена,

должник платит за списание долгов. В настоящем Докладе рассматриваются эти атрибуты и последствия принятия политических решений, затрагивающих формирование режимов несостоятельности.

Отсутствие единого оптимального решения проблем несостоятельности граждан означает, что лёгкого пути у законодателей в этой сфере не будет. Какой вариант ни выбрать, у него найдутся недостатки, которые нужно осознавать и детально проанализировать. Модели, которые более жёстко подходят к определению критериев несостоятельности, ограничивают доступ к процедуре, сокращают круг обязательств, от которых освобождается должник, и в конечном итоге подавляют инициативность людей, не способствуют развитию предпринимательства и в результате изымают всё большее количество граждан из активной общественной жизни. С другой стороны, те модели, которые предлагают списание долгов почти всем желающим, в какой-то степени поощряют неразумное финансовое поведение, снижают платёжную дисциплину и размывают важный принцип гражданского права *acta sunt servanda*. Видимо, в каждой конкретной ситуации законодатель вынужден выбирать наименьшее из двух зол.

400. В сфере проектирования и внедрения режимов несостоятельности граждан «один размер не подойдёт всем». При этом у механизмов решения многочисленных вопросов, возникающих в сфере несостоятельности граждан, есть существен-

ные достоинства и недостатки, которые обусловлены исходным проектом режима несостоятельности, и эти аспекты должны тщательно обсуждаться и адресоваться политикам.

В п. 394 Доклада говорилось о том, что правильно структурированный режим несостоятельности граждан и сокращает общественные издержки, и поощряет производительность со стороны должников. В п. 401 Всемирный банк добавляет к этому, что такой режим предполагает освобождение от долгов только тех должников, которые в этом особо нуждаются, и предоставление освобождения должно осуществляться в результате краткой и не очень обременительной процедуры.

4. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ КОНСТРУКЦИИ РЕЖИМА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОЦЕДУРНЫЕ ВАРИАНТЫ И СООТНОШЕНИЕ С НЕФОРМАЛЬНЫМ УРЕГУЛИРОВАНИЕМ

Очень любопытны выводы Доклада, касающиеся соотношения несостоятельности граждан с различными формами добровольного урегулирования долгов. Всемирный банк признаёт важность функции формальной системы несостоятельности, состоящей в том, чтобы поощрять неформальные переговоры и договорённости, приводящие к урегулированию задолженности граждан. Понятно, что добровольные варианты имеют свои плюсы, главные из которых, на наш взгляд, — меньшее влияние жёстких формальных правил, более свободный подход к срокам и сравнительно невысокие издержки. Авторы Доклада выделяют ещё несколько преимуществ, с которыми стоит согласиться.

403. Во многих странах приоритетом законодателей является предотвращение перехода к формальным процедурам несостоятельности отчасти в пользу поощрения решения долговых проблем на основе переговоров. Вот преимущества переговорных решений: нет стигматизации, меньшее негативное влияние на кредитные рейтинги должников, более низкие издержки в сравнении с формальными процедурами, больший уровень возврата для кредиторов,

более низкая стоимость подготовительной работы, большая гибкость, отвечающая интересам должника и кредиторов, большая готовность финансовых институтов к реструктуризации долгов.

В то же время у добровольного урегулирования задолженности есть свои пределы, и они не так широки, как хотелось бы. Во-первых, на профессиональных кредиторов (банки, страховщики, иные финансовые организации) распространяются специальные правила, направленные на поддержание их финансовой устойчивости и достаточно жёстко определяющие пределы, в которых такой кредитор может пойти на уступки должнику, в частности, в отношении процентных ставок и сроков. Во-вторых, существуют законодательные ограничения предельно допустимой отсрочки обязательных платежей. В России, например, по общему правилу, отсрочка по налогам предоставляется на срок до одного года, хотя по федеральным налогам в той части, которая зачисляется в федеральный бюджет, и по страховым сборам этот срок более продолжительный — до трёх лет (ст. 64 Налогового Кодекса РФ). В-третьих, целью деятельности профессиональных коммерческих кредиторов является извлечение прибыли, и их акционеры могут не одобрить чрезмерную лояльность по отношению к должникам. При том, что авторы Доклада Всемирного банка согласны с тем, что на пути добровольного урегулирования есть серьёзные препятствия, они всё же осуждают кредиторов за недостаточную активность при проведении переговоров. С этим сложно пол-

ностью согласиться, так как профессиональные кредиторы объективно ограничены в своих переговорных возможностях; при этом на практике добровольное урегулирование задолженности — оптимальный для них вариант (конечно, при наличии действительной возможности погашения задолженности).

404. Хотя добровольная договорённость между кредиторами и должником особенно желательна в контексте несостоятельности граждан, достигнуть её трудно, учитывая, что кредиторы часто проявляют недостаточный интерес к активному и конструктивному ведению соответствующих переговоров. На практике должнику сложно достигнуть договорённости со всеми кредиторами: некоторые из них требуют принудительного исполнения обязательств и не вступают в переговоры. В их числе — публично-правовые кредиторы, включая налоговые органы, которые обычно не склонны к переговорному подходу. У финансовых институтов также мало стимулов к ведению действительно серьёзных переговоров об урегулировании задолженности из-за распространяющихся на них обязательных правил, регулирующих списание долгов и вычет понесённых убытков. Пассивное поведение других кредиторов также является важной проблемой, например, в отношении поручительства при неформальном урегулировании долгов. Законодатели часто обращают внимание

на то, что с пассивностью кредиторов следует бороться, придавая обязательную силу добровольным соглашениям в отношении не участвующих в них миноритарных кредиторов, оставляя за теми возможность судебной защиты их прав.

Подобного варианта обязывания одних кредиторов условиями досудебного соглашения между другими кредиторами и должником российское законодательство не предусматривает (пожалуй, за исключением синдицированного кредитования), и здесь, на наш взгляд, перенимать мировой опыт преждевременно. По крайней мере, до тех пор, пока не будет создан сколь-нибудь работающий механизм реабилитации в банкротстве.

А вот другой интересный элемент современных систем несостоятельности граждан, который предполагает возможность получения гражданами профессиональных консультаций по финансовым вопросам на бесплатной основе или за символическую цену, пожалуй, мог бы оказаться нелишним для российского законодательства о банкротстве. Несмотря на то, что такие финансовые консультации часто подвергаются критике там, где действует система их предоставления несостоятельным гражданам, — ввиду того, что, когда человек уже является неплатёжеспособным, эти консультации кажутся запоздавшими, — в них определёнno есть смысл. Во-первых, лучше поздно, чем никогда. Во-вторых, профессиональные консультации могут помочь понять, есть ли смысл в реабилитационной процедуре (плане платежей), или это уже бесполезно.

405. Опыт тех немногих систем, где неформальные альтернативы несостоятельности оказались успешными, подтверждает важность нескольких элементов, помогающих одобрению плана реструктуризации. Существенным является предоставление профессиональной консультационной помощи бесплатно или за небольшую плату, консультанты должны иметь опыт переговоров с кредиторами. Для максимальной эффективности переговоры должны проходить в отсутствие угрозы немедленного принудительного исполнения обязательств.

Совершенно справедливо авторы Доклада обращают внимание на то обстоятельство, что несостоятельность в значительной степени затрагивает важнейшие права на защиту имущества и на справедливое судебное разбирательство. При этом, с формальной точки зрения, освобождение должника от обязательств лишает кредитора принадлежащих ему имущественных прав, а упрощённые внесудебные процедуры банкротства малоимущих граждан ограничивают права кредиторов на судебное разбирательство (хотя по их ходу кредитор и не лишается права обращения в суд). Это необходимо учитывать при поиске баланса интересов должников и кредиторов, чтобы расширение прав должников не привело к существенному умалению этих основных прав.

406. Любая система несостоятельности граждан подразумевает наличие фундаментальных правовых основ, от-

носящихся к правам и обязанностям должников и кредиторов, как в отношениях между должниками и кредиторами, так и в отношениях между кредиторами. Право на справедливое судебное разбирательство, как и право на защиту собственности, относятся к фундаментальным правам, затрагиваемым режимом несостоятельности граждан. Принудительная реализация этих прав обычно относится к полномочиям суда.

5. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА

Для того чтобы механизмы несостоятельности граждан работали эффективно, их институциональная основа должна соответствовать иным законодательным институтам и общей правовой идеологии соответствующей системы. Справедливо мнение экспертов Всемирного банка о том, что, если институциональная основа определена адекватно, она позволит снизить целый ряд социальных, в том числе транзакционных, издержек. Но в этом есть и определённая тавтология, так как снижение издержек и есть один из критериев оценки эффективности системы банкротства граждан.

407. Эффективно действующая институциональная основа несостоятельности граждан снижает общие социальные издержки. Они включают в себя расходы, понесённые на определение стоимости долгов и уровня их возмещения, издержки для кредиторов, должников и третьих лиц. Институциональная основа должна обеспечивать своевременное получение результата и заслужить доверие как участников отношений несостоятельности, так и общества в целом.

Важное значение имеет эффект масштаба: когда количество процедур банкротства достигнет критической массы, может возникнуть новое понимание того, какой именно должна быть институциональная основа несостоятельности граждан.

408. При создании формальной, принудительной системы освобождения

от долгов большое количество и сравнительная однородность рассматриваемых дел способствуют переосмыслению институциональной основы, особенно в части финансирования. Опыт подсказывает, что с ростом количества должников, которые нуждаются в освобождении от долгов с помощью инструментов несостоятельности, сам процесс личной несостоятельности обычно становится рутинным.

В России количество дел о банкротстве начиная с октября 2015 года сначала возрастало медленно (около 20 тысяч дел в 2016-м, 30 тысяч в 2017-м, 40 тысяч в 2018-м). Затем темпы роста стали увеличиваться: 70 тысяч в 2019 году, 120 тысяч в 2020 году, а по итогам 2021 года количество новых процедур составило почти 200 тысяч⁴⁵. Для профессиональных кредиторов банкротство граждан в целом уже превратилось в рутинный процесс, который в достаточной степени автоматизирован многими участниками. Да и для граждан банкротство становится привычным инструментом, учитывая, что они пользуются им всё более активно. Думается, что накопленный в России опыт уже становится основой для переосмысления общей концепции несостоятельности граждан: в позапрошлом году он позволил выработать и принять законодательные нормы об упрощённом внесудебном банкротстве граждан, которое ещё три года назад казалось фантастической перспекти-

⁴⁵ <https://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20Федресурс%20банкротство%2031%20декабря%202021.pdf>.

вой. Вполне возможно, что в обозримом будущем реальностью станет и подробно рассматриваемый в Докладе вариант планов платежей (см. ниже раздел «Выплаты согласно плану платежей»).

409. Законодатели добиваются нескольких целей при выборе конкретной структуры системы несостоятельности граждан. Эти цели включают применение равного режима для граждан, находящихся в одинаковом положении, предотвращение злоупотреблений и мошенничества, а также снижение избыточных бюрократических требований.

В принципе, эти три цели в достаточно высокой степени реализованы в действующем российском законодательстве. Специальных барьеров для отдельных категорий граждан, в том числе по уровню доходов (таких, как means test), у нас нет, к процедуре, в общем, допускаются все желающие должники. Массовых злоупотреблений и мошенничества за шесть лет действия норм о банкротстве граждан вроде бы не возникло, что проявляется и в очень низком количестве выявленных судами случаев недобросовестного поведения граждан, которое является основанием для отказа в освобождении от обязательств (напомним, что доля таких случаев не превышает 0,5%), и в крайне небольшом количестве уголовных дел, возбуждаемых по специальным «банкротным» составам Уголовного Кодекса (ст. ст. 195–197 УК РФ). Что касается бюрократических требований, то в России нет ни обязанности должника предварительно проводить перегово-

ры с кредиторами о досудебном урегулировании долгов, ни необходимости получать формальные консультации или проходить обучение финансовой грамотности (при том, что, как сказано выше, такие консультации на безвозмездной основе были бы не лишними как одна из опций для должника), ни обязательного требования привлечь адвоката или иного профессионального представителя для ведения дела о банкротстве. Хотя перечень документов, которые нужно подать для инициирования дела о собственном банкротстве, достаточно пространный (ст.213.4 Закона о банкротстве говорит о девятнадцати обязательных приложениях к заявлению о признании гражданина банкротом, и это помимо обязательных документов по АПК РФ), но он скорее просто объёмный, чем действительно сложный для понимания обычного гражданина. Всё сказанное вовсе не свидетельствует об идеальности российского законодательства о несостоятельности граждан, но показывает, что его развитие происходит в правильном направлении, насколько эту правильность понимают эксперты Всемирного банка.

410. Институциональные основы правовых режимов несостоятельности граждан существуют в континууме. Эти институциональные основы включают в себя системы, в которых орган исполнительной власти отвечает за процедуры несостоятельности; гибридные системы, в которых публичные процедуры несостоятельности сосуществуют с частными альтернативами добровольной реструктуризации; и систе-

мы, где процедуры несостоятельности проводятся в судебном порядке, в основном при содействии публично финансируемых или частных посредников.

Российская институциональная основа банкротства граждан в чистом виде не укладывается ни в один из указанных вариантов. За вопросы несостоятельности не отвечает орган исполнительной власти, как во Франции (по общему правилу, у нас судебный порядок банкротства, хотя есть и упрощённая внесудебная процедура); значимых частных альтернатив добровольной реструктуризации у нас, пожалуй (к сожалению), нет; хотя российские процедуры банкротства проводятся в судебном порядке, роль посредников у нас невелика (если не считать посредниками своего рода арбитражных управляющих, но вряд ли они сами восприняли бы с энтузиазмом эту идею). При этом, конечно, российская система ближе к третьему типу, выделенному Всемирным банком.

411. Процедуры несостоятельности и реструктуризации долгов граждан в большинстве стран проводятся в судебном порядке. В то же время ряд стран с высоким уровнем доходов граждан внедрили административные процедуры, оставляющие возможность судебного обжалования для спорных ситуаций. В некоторых странах значительную роль в упорядочении, сопровождении и администрировании процедур несостоятельности граждан играют государственные органы исполнительной власти.

Существуют также гибридные публичные/частные модели, где основную роль играют частные агентства в сфере несостоятельности, которые оценивают, администрируют и расследуют ситуации несостоятельности должников, но при этом на их деятельность распространяется надзор государственного регулятора, который лицензирует такие агентства и может вмешиваться в их деятельность. При создании институциональной структуры несостоятельности необходимо учитывать контекст уже действующих институтов и доступность услуг профессиональных посредников в конкретной рассматриваемой стране.

С 2020 года российская модель банкротства граждан включает и административную процедуру упрощённого банкротства для малоимущих граждан, что по-прежнему является редкостью в современном мире. Эта административная процедура построена по модели Новой Зеландии («процедура без активов» — No Asset Procedure, NAP) и с точки зрения процедуры сконструирована ближе к первоисточнику, чем английский вариант («порядок освобождения от долгов» — Debt Relief Order): у нас заявление гражданина не проходит предварительную проверку и сразу подаётся уполномоченному органу — многофункциональному центру предоставления государственных услуг (п. 2 ст. 223.3 Закона о банкротстве). После этого информация о внесудебном банкротстве гражданина публикуется в ЕФРСБ. Если в течение шести месяцев никто из кредиторов, имеющих право

инициировать банкротство в регулярном порядке, не воспользуется своим правом, то гражданин освобождается от обязательств (п.1 ст. 223.6 Закона о банкротстве).

Критерии упрощённого банкротства в России вроде бы сформулированы достаточно просто: это размер задолженности (от 50 до 500 тыс. руб.) и факт отсутствия у должника имущества. Но этот факт должен подтверждаться прекращением исполнительного производства в отношении гражданина в связи с отсутствием у него имущества (п.1 ст. 223.2 Закона о банкротстве), причём после прекращения исполнительного производства не должно быть возбуждено новое. А это и не самая частая ситуация (как правило, кредиторы не предпринимают чрезмерных усилий для того, чтобы взыскать кажущийся безнадежным долг, и не доводят дело до исполнительного производства в отношении малоимущих граждан), и достаточно сложный для понимания юридический критерий, поэтому количество заявлений невелико, а уровень их возврата высок. Сейчас он составляет около 50%⁴⁶, что свидетельствует об определённом прогрессе: за первый месяц было возвращено примерно 80% от всех поданных заявлений (для сравнения, в Новой Зеландии отказ получают около 30% заявителей). Но мы находимся лишь на начальном этапе действия этой внесудебной процедуры, она работает лишь год. Вполне возможно внесение точечных законодательных изменений (на основании обобщённого

⁴⁶ См., например, <https://arbitrageru.legal/analytics/view/bankruptcygraph/>

опыта), которые смогут повысить эффективность этой новой процедуры.

6. ДОСТУП К ФОРМАЛЬНЫМ ПРОЦЕДУРАМ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Финансирование доступа к процедуре банкротства — крайне актуальная проблема для большинства граждан, которые и так не имеют средств для оплаты регулярных долгов. Вот какие варианты финансирования выделяются в Докладе Рабочей группы Всемирного банка.

412. Многие граждане испытывают сложности, связанные с финансированием доступа к процедуре несостоятельности. Существует пять основных подходов к финансированию доступа к процедуре освобождения от долгов:

1. государственное финансирование процедур;
2. перекрёстное субсидирование процедур с низкой стоимостью активов за счёт процедур с высокой стоимостью активов;
3. государственные субсидии профессиональным участникам процедур и списание судебных издержек в тех случаях, когда невозможно их оплатить;
4. пошлины для кредиторов для финансирования тех случаев, в которых у граждан нет возможности заплатить;
5. отсутствие специальной государственной поддержки, за исклю-

чением общего финансирования судебной системы. Проблемы финансирования можно смягчить снижением расходной части системы, использованием упрощённых процедур и применением информационных технологий.

Российский подход к финансированию процедур несостоятельности заключается в следующем. По общему правилу, должник оплачивает вознаграждение арбитражного управляющего (25 тысяч рублей за процедуру, возможна рассрочка — ст. 213.4 Закона о банкротстве), а также государственную пошлину в размере 300 рублей (подп. 5 п. 1 ст. 333.21 Налогового Кодекса РФ). Упрощённая процедура банкротства проводится бесплатно для гражданина. Таким образом, существует определённая государственная поддержка (символический размер государственной пошлины, бесплатная процедура для малоимущих граждан), но в целом должник сам платит за процедуру своего банкротства. Закон прямо говорит о том, что отсутствие у гражданина имущества, которое могло бы быть направлено на удовлетворение требований кредиторов, не препятствует введению процедуры реализации имущества гражданина (п. 2 ст. 213.6 Закона о банкротстве), но делает важную оговорку — имеется в виду отсутствие имущества после покрытия расходов на процедуру, применяемую в деле о банкротстве гражданина. Возможно, изменение подхода к финансированию процедур несостоятельности — одно из тех изменений, которое может осущес-

твиться при переосмыслении его институциональной основы (см. п. 408 Доклада).

Второй важный момент в конструировании системы доступа к режиму несостоятельности — это определение, какой гражданин может воспользоваться процедурой; установление специальных барьеров или отказ от них. Подход Рабочей группы Всемирного банка состоит в необходимости открытого доступа к процедуре, т. е. её доступности для любого гражданина, соответствующего действующим в данном правовом порядке критериям банкротства.

413. Стандарты доступа к процедурам несостоятельности и реструктуризации долгов граждан должны быть прозрачными и определёнными, а также должны содержать механизмы защиты от их ненадлежащего применения как кредиторами, так и должниками. Открытый доступ можно определить как идею, согласно которой любой гражданин, соответствующий критериям несостоятельности, таким, как неспособность исполнять обязательства по мере наступления сроков их исполнения, может без дополнительных условий получить доступ к процедуре несостоятельности, которая обеспечит ему безусловное списание долгов. В то же время многие системы включают дополнительные требования часто для решения проблем моральных рисков и злоупотреблений со стороны должников. Один их способов сокращения потенциальных моральных

рисков — ограничить частоту доступа к освобождению от долгов в процедуре несостоятельности.

В российском законодательстве о банкротстве реализован подход, рекомендованный Всемирным банком. Ст. 213.3 Закона о банкротстве устанавливает, что, по общему правилу, заявление о признании гражданина несостоятельным принимается арбитражным судом при условии, что требования к нему составляют не менее чем пятьсот тысяч рублей и указанные требования не исполнены в течение трёх месяцев с даты, когда они должны быть исполнены. В России нет барьеров, подобных проверке имущественного положения должника (means test), которая в США закрывает путь к процедуре по Главе 7 Банкротного Кодекса (это примерный аналог нашей процедуры реализации имущества) людям со сравнительно высоким уровнем доходов. А вот частота доступа к процедуре банкротства в России ограничена, как и рекомендует Всемирный банк. Закон устанавливает, что в течение пяти лет с даты завершения в отношении гражданина процедуры реализации имущества или прекращения производства по делу о банкротстве в ходе такой процедуры новое дело о его несостоятельности не может быть возбуждено по заявлению этого гражданина (п. 2 ст. 213.30 Закона о банкротстве). Поэтому следует признать режим несостоятельности граждан в России достаточно открытым, при этом существуют необходимые гарантии от злоупотреблений.

Исходя из п. 414 Доклада, российская система несостоятельности граждан относится к тем си-

стемам, которые допускают к процедуре подавляющее большинство должников, но в ходе процедуры или после её завершения к ним могут быть применены определённые санкции.

414. Критерии доступа могут представлять собой комбинацию правил и стандартов. Для применения стандартов обычно требуется более квалифицированное экспертное суждение. Высокие барьеры, преграждающие доступ к формальной системе освобождения от долгов, могут привести к тому, что большее количество граждан будет «несостоятельными неформально», что снизит стимулы для их участия в активной общественной жизни. Такие издержки должны быть сбалансированы с преимуществами защиты от моральных рисков, которая достигается установлением этих барьеров. Можно выделить системы, в которых создаются высокие барьеры на пути к инициированию процедуры, зависящие от поведения должника, и системы, в которых граждане допускаются к процедуре, но в дальнейшем могут быть подвергнуты санкциям. Предоставление кредитору или агентству возможности оспорить списание долгов и применение к должнику иных санкций создаёт защиту от моральных рисков и добавляет легитимности системе несостоятельности граждан посредством более активного вовлечения кредиторов.

Хотя Всемирный банк и отмечает возможность применения к должнику санкций в качестве пре-

имущества системы банкротства, которое добавляет ей легитимности, в России этим недовольны и должники, и кредиторы. Предмет недовольства — ограничения, которым подвергается должник после того, как процедура банкротства завершена. Например, в течение пяти лет гражданин не может повторно инициировать дело о собственном банкротстве, при получении кредита или займа обязан информировать кредитора о факте банкротства, в течение трёх лет не может заниматься управлением юридическими лицами (ст. 213.30 Закона о банкротстве). Эти ограничения, на наш взгляд, не очень существенные; более того, в профессиональном сообществе периодически заходит речь о необходимости их смягчения, поскольку они ограничивают должника в возможности получения доходов и повышают вероятность повторного банкротства. Да и кредиторам они могут принести разве что моральное удовлетворение.

Ещё один аспект доступа граждан к процедуре несостоятельности, который рассматривается в Докладе, — это возможность выбирать вид процедуры (в тех странах, где есть несколько вариантов процедур, как, например, в Англии или США).

415. Вопросы доступа к процедуре особенно важны для тех систем, где существует несколько вариантов процедур несостоятельности («многосторонние процедуры несостоятельности»). Решение о том, какую процедуру выбрать для конкретного должника, может приниматься администрирующим лицом, или сам должник может иметь право выбрать соответствующую

процедуру. Чем более сложной является система несостоятельности в части разграничения и пересечения процедур несостоятельности, тем больше сложностей возникает у перекредитованного должника, особенно если он находится в уязвимой позиции. Независимые посредники могут помочь гражданину выбрать наиболее эффективную процедуру. В некоторых странах доступ к процедуре может быть обусловлен выполнением законодательного требования о необходимости получения консультации профессионального посредника и оценки вариантов, альтернативных формальной несостоятельности. Другие системы используют первоначальную проверку должника, основанную на критерии уровня доходов, для того чтобы предопределить выбор должником процедуры, а иные системы ограничивают доступ к освобождению от долгов для граждан, обязательства которых имеют потребительскую, а не предпринимательскую природу.

Наша система, если рассматривать её с точки зрения буквы закона, также теоретически предоставляет должнику выбор между реабилитационным вариантом (реструктуризация долгов) или традиционным аналогом конкурсного производства (реализация имущества). Реабилитационная процедура в России не востребована в том виде, в котором она предусмотрена законом. Не должно вводить в заблуждение большое количество процедур реструктуризации долгов (за 2021 год было

введено 34 тысячи процедур). Из-за первоначально выбранной законодательной конструкции, предполагавшей необходимость сначала пройти реструктуризацию долгов и лишь затем перейти к реализации имущества, сама реструктуризация до утверждения плана по сути является не реабилитационной, а вводной процедурой. А собственно планов за тот же период было одобрено лишь 329. Поэтому российский вариант представляется достаточно парадоксальным: есть два варианта процедур, но вариант с реабилитацией практически всегда приводит к последующей реализации имущества. Это только затягивает дело о несостоятельности и приводит к избыточным издержкам. Для гражданина-должника это означает, по крайней мере, необходимость потратить ещё 25 тысяч рублей на вознаграждение арбитражному управлению во второй процедуре.

7. УЧАСТИЕ КРЕДИТОРОВ

Очень интересный раздел Доклада посвящён проблемам участия кредиторов в делах о несостоятельности граждан. И основной вывод мог бы показаться нам неожиданным всего шесть лет назад, когда банкротство граждан только появилось в России: авторы прямо говорят, что участие кредиторов в деле о банкротстве физического лица является не самым принципиальным его элементом.

416. В процедурах несостоятельности граждан участие кредитора занимает не такое важное место, как в коммерческой несостоятельности. Учитывая тот факт, что в процедуре несостоятельности граждан обычно доступно очень мало активов, кредиторы, как правило, играют в ней небольшую роль или вообще не участвуют в процедуре. Особенно значительное отличие от коммерческой несостоятельности заключается в том, что при несостоятельности гражданина кредиторы могут возражать против списания его долгов, но решение по вопросу о таком списании и утверждение плана платежей принимается судом или иным компетентным органом.

Это явно выходит за рамки традиционного представления о банкротстве как об инструменте, предназначенном для наиболее полного удовлетворения требований кредиторов. Но такое понимание характерно для современной несостоятельности граждан. Оно обусловлено в пер-

вую очередь тем, что у кредиторов нет особенных стимулов для активных действий в условиях практического отсутствия имущества у подавляющего большинства должников. В первые годы действия законодательных норм о несостоятельности граждан, когда процедур было немного и они были «в новинку», профессиональные кредиторы стремились активно участвовать в каждой из них. И это понятно: должна была сформироваться последовательная практика применения процедур несостоятельности, выработаться подход к освобождению от обязательств. Но с ростом количества банкротств и рутинизацией самих процессов позиция кредиторов стала меняться. Сохранилась полноценная вовлечённость и активное участие кредиторов в делах о несостоятельности бенефициаров бизнеса, поручителей, должников по ипотечным кредитам и автокредитам, в иных делах, где у должников есть значимые активы (критерий значимости каждый кредитор определяет сам). Но по остальным делам, в которых у должников нет таких активов, — а их, как мы отмечали выше, 70–90%, — кредиторы ограничиваются формальным участием — как правило, заявлением требований.

Возражения по вопросу об освобождении должника от обязательств, о которых говорится в Докладе, могут заявляться кредиторами в российском правовом порядке; наша модель несостоятельности это допускает. В связи с этим в практике возник интересный вариант частичного освобождения гражданина от долгов, который прямо не предусмотрен законодательством. Слу-

чается, что суды не освобождают должника от обязательств перед отдельным кредитором, который возражал против такого освобождения, при этом в остальной части обязательства должника прекращаются.

417. Принципы свободы договора и участия кредитора в процедуре несостоятельности продолжают до некоторой степени играть центральную роль во многих системах несостоятельности.

Для большинства систем несостоятельности актуальны проблемы пассивности кредиторов, а также недостаточной информированности кредиторов об обстоятельствах и ситуации, в которой находится должник. С другой стороны, иногда такие важные кредиторы, как налоговые органы, банки и коллекторские агентства, которым принадлежит большая часть требований к должникам, принципиально препятствуют инициированию процедур несостоятельности граждан (всех или отдельных категорий). Наконец, кредиторы могут оказаться в ситуации, в которой иные, внешние, мотивы могут влиять на их способность рационально оценивать последствия введения в отношении должника процедуры несостоятельности.

Объясняя причины пассивности кредиторов в процедурах банкротства граждан, авторы Доклада говорят о том, что профессиональные кредиторы могут системно препятствовать введению процедур несостоятельности граждан. В России это не так; по крайней мере, нам не приходилось

видеть подобной практики. Что касается банков-кредиторов, то они, наоборот, заинтересованы в списании безнадежной задолженности и оптимизации структуры баланса. Поэтому «противодействие безжалостных банков добросовестным гражданам», которые хотят освободиться от долгов через процедуру банкротства, в российской действительности относится больше к культурным мифам, чем к актуальной практике.

418. Процедуры принятия и проверки требований кредиторов в процедурах несостоятельности граждан во многих системах являются упрощенными. Отвечая на вызовы, которые создаёт участие кредитора в процедуре несостоятельности, и учитывая невысокую стоимость большинства требований, многие системы упростили процедуры принятия и проверки требований кредиторов. Во многих системах перечни требований кредиторов, которые предоставлены должниками, принимаются для целей процедуры несостоятельности, если кредиторы не оспаривают правильность включения их требований в такие перечни.

В России нет такого упрощения правил установления требований кредиторов в банкротстве граждан по сравнению с общими нормами о несостоятельности юридических лиц. Более того, для инициирования кредитором дела о банкротстве физического лица по общему правилу (ст. 213.5 Закона о банкротстве) требуется предварительное судебное установление задолженности (хотя исключения из этой нормы очень масштаб-

ны: она не распространяется на нотариально удостоверенные сделки, требования по кредитным договорам, налогам, алиментам и т. д.). Думается, что эти правила устарели, и вполне возможно было бы упростить их. Например, предусмотреть внесудебный порядок включения требований кредиторов в реестр. Рассматривать их мог бы арбитражный управляющий, а суд разбирал бы только спорные ситуации. Это сэкономило бы и временные, и материальные издержки участников банкротных отношений, а также прилично разгрузило бы арбитражные суды от рутинной работы. Кстати, соответствующий законопроект был разработан Верховным Судом и принят Государственной Думой в первом чтении в мае 2019 года (это проект № 598603-7), однако дальнейшего развития эта тема пока не получила.

Что касается упрощенного внесудебного банкротства, то там требования вообще не устанавливаются как таковые; они просто указываются должником при подаче заявления о собственном банкротстве (п. 4 ст. 223.2 Закона о банкротстве).

8. ВАРИАНТЫ ПРОЦЕДУРЫ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ. УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ЗА СЧЁТ ПРОДАЖИ ИМУЩЕСТВА

Интересно сравнить современное понимание несостоятельности граждан, предлагаемое авторами Доклада, с традиционными представлениями о банкротстве, заключающимися в необходимости максимально возможного удовлетворения требований кредиторов при справедливом распределении между ними денежных средств от продажи активов должника. Что по этому поводу говорит нам Доклад Всемирного банка?

419. Максимизация уровня возврата задолженности перед кредиторами продолжает оставаться важной целью процесса несостоятельности, но применительно к несостоятельности граждан опыт показывает, что существуют значительные сложности с получением платежей не только за счёт имеющихся активов, но и за счёт будущих доходов. Большинство современных систем несостоятельности продолжает фокусироваться на активах должника, по крайней мере, первоначально, для максимизации уровня возврата задолженности перед кредиторами. Но такая традиционная фокусировка на продаже активов вновь поднимает давнюю проблему необходимости оставления гражданам-должникам

материальной базы, достаточной для возобновления полноценной жизни.

В российском Законе о банкротстве отражена традиционная позиция, основанная на необходимости продажи имущества должника перед рассмотрением вопроса об освобождении его от обязательств. Что при этом делается для оставления должникам необходимого минимума? Во-первых, в процедуре реструктуризации долгов гражданин может самостоятельно распорядиться суммой до 50 тысяч рублей в месяц; при этом арбитражный управляющий может увеличить эту сумму. Во-вторых, из конкурсной массы исключается имущество, на которое не может быть обращено взыскание по гражданскому процессуальному законодательству. А это, в первую очередь, единственное жильё (если оно не является предметом ипотеки). Кроме того, иммунитетом пользуются предметы обычной домашней обстановки и обихода, вещи индивидуального пользования (одежда, обувь и другие), имущество, необходимое для профессиональных занятий гражданина-должника (стоимостью до 10 тысяч рублей, что сейчас значительно снижает практическую ценность этого пункта), сельскохозяйственные животные и семена для посева, продукты питания и деньги на общую сумму не менее установленной величины прожиточного минимума самого гражданина-должника и лиц, находящихся на его иждивении, топливо, необходимое семье гражданина-должника для приготовления своей ежедневной пищи и отопления в течение отопительного сезона своего жилого

помещения, средства транспорта и другое необходимое гражданину-должнику в связи с его инвалидностью имущество, призы, государственные награды, почётные и памятные знаки, которыми награждён гражданин-должник (ст. 446 ГПК РФ). Поэтому в целом можно сказать, что российское законодательство оставляет должнику минимально необходимое имущество и не является чрезмерно жёстким к нему.

Всемирный банк отмечает, что из-за отсутствия активов у подавляющего большинства должников-граждан в некоторых странах процедура реализации имущества практически «атрофировалась».

420. Буквально в любой системе несостоятельности существует фигура государственного или частного управляющего, который назначается для инвентаризации имущества, формирования конкурсной массы и продажи активов должника (там, где это возможно) для выплаты возмещения кредиторам. В то же время если у подавляющего большинства должников в любой из существующих систем несостоятельности и есть активы, которые можно продать и распределить между кредиторами, то их размер незначителен. Как следствие, некоторые системы практически отказались от этапа, на котором предпринимаются попытки продать имеющееся имущество должника, кроме тех случаев, когда у должника есть достаточно активов для того, чтобы покрыть существенные

административные издержки по инвентаризации и реализации имущества.

В нашей системе, как уже отмечалось, реализация имущества является обязательным этапом, но на практике часто сводится к простой констатации факта, что продавать нечего. При этом Верховный Суд специально подчёркивал, что отсутствие имущества, которое можно продать, не является препятствием к введению процедуры реализации имущества (п.19 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2, 2017). Суд указал, что «право гражданина на использование установленного государством механизма банкротства не может быть ограничено только на том основании, что у него отсутствует имущество, составляющее конкурсную массу. Один лишь факт подачи гражданином заявления о собственном банкротстве нельзя признать безусловным свидетельством его недобросовестности».

Что касается частичного иммунитета имущества должника по российскому законодательству (более подробно он описан выше), то, действительно, до введения в действие норм о банкротстве граждан он частично выполнял функцию некоторой альтернативы несостоятельности, хотя и весьма несовершенную. Хотя он не давал (и не даёт) возможности продать самое необходимое имущество гражданина для взыскания его долгов, но сам по себе иммунитет не прекращает обязательств, а, следовательно, у кредиторов остаётся возможность продолжать взыскание, а у должника нет стимулов для более активного экономического поведения: если у него образуется «излишек»

имущества, его продадут для уплаты долгов. Поэтому можно согласиться с мнением авторов Доклада о том, что одного имущественного иммунитета недостаточно для надлежащей защиты интересов несостоятельных граждан, необходим механизм освобождения от долгов в банкротстве.

421. Частичный иммунитет имущества должника представляет ещё один важный аспект режима несостоятельности граждан. Такой иммунитет характерен не только для отношений несостоятельности, но и для отношений между должником и кредитором в целом. Концепция исключения части имущества должника из подлежащего продаже и распределению между кредиторами тесно связана с принципом списания долгов и понятием «fresh start» (возможность заново начать экономическую жизнь). Идея заключается в том, что, когда долги гражданина списываются, процедура несостоятельности завершается, и должник получает «fresh start», у него должно быть имущество, необходимое для удовлетворения минимальных потребностей его самого и членов его семьи и, если необходимо, для предпринимательских целей. В некоторых системах частичный иммунитет имущества должника действует как несовершенная альтернатива освобождению от обязательств в процедуре несостоятельности. В этих системах иммунитет исторически смягчал остроту положения несостоятельного должника, особенно в отсутствие механизма списания его долгов.

В то же время эффекта, создаваемого таким иммунитетом, недостаточно, чтобы предоставить должникам действительную возможность начать всё сначала.

Рабочая группа Всемирного банка анализирует существующие варианты предоставления иммунитета от взыскания и выделяет несколько общих типов его определения.

422. В целом, существует три различных подхода для определения, каким типам имущества должника может быть предоставлен иммунитет от продажи и распределения между кредиторами. Первый подход — установить круг активов стоимостью до определённого лимита, который по инициативе должника может быть исключён из конкурсной массы. Второй подход, который сейчас одобрен многими системами, представляет собой модернизированный вариант первого подхода и устанавливает определённые категории видов имущества (и стоимости), добиваться исключения из конкурсной массы которых может должник. Бремя доказывания того, что имущество должно обладать иммунитетом, возлагается на должника. Третий подход, также характерный для многих систем, основан на более общем правиле: на большую часть имущества должника распространяется иммунитет, при этом управляющий может возражать против распространения иммунитета на ценное личное и домашнее имущество, чтобы вернуть его в конкурсную массу.

В чистом виде подход российского законодательства не укладывается ни в один из описанных вариантов, а представляет собой промежуточную конструкцию. На некоторые виды имущества (единственное жильё) распространяется иммунитет вне зависимости от его стоимости, хотя в последнее время начинает формироваться судебная практика обращения взыскания на «роскошное» или «избыточное» жильё с одновременным предоставлением должнику более скромного жилого помещения. Одновременно Министерством юстиции предпринимаются попытки разработать законопроект об «избыточном» жильё. Другие виды имущества защищаются иммунитетом, если стоимость не превышает определённый законом размер (имущество, необходимое для профессиональной деятельности).

Авторы Доклада справедливо отмечают, что перечень видов имущества, на которые распространяется иммунитет, зависит от исторического контекста. В России этот перечень испытывает определённое влияние социалистического права советского периода: ряд формулировок практически дословно перешёл в действующий Гражданский процессуальный кодекс РФ из ГК РСФСР 1964 года. Это, например, распространение иммунитета на необходимое гражданину топливо, семена для посевов, корм для скота, имущество для занятия профессиональной деятельностью (кстати, ГК РСФСР не ограничивал его стоимость). В то же время перечень видов имущества, на которое распространяется иммунитет, сокращается. Основным признаком такого сокращения —

возможность обращения взыскания на единственное жильё, если оно является предметом ипотеки. До 2004 года ГК РФ не содержал этого исключения. Интересно при этом, что в советский период обращение взыскания на жилой дом (в случае, если он находился в собственности гражданина, что допускалось для лиц, занимавшихся сельским хозяйством) было возможно в случаях, если он был построен на средства, предоставленные банком в ссуду (п.1 Приложения № 1 к ГК РСФСР). Это вполне сопоставимо с современным вариантом приобретения жилья с использованием ипотечного кредита.

423. Иммунитет можно также рассматривать в зависимости от видов имущества, на которое он распространяется.

Основные виды — это жильё, автомобили, мебель и обстановка жилья, заработная плата после открытия процедуры, пенсия, профессиональное оборудование. Подходы к отдельным видам имущества различаются в зависимости от того, насколько это имущество имеет ценность для данного конкретного общества. Исторически должники находились лишь чуть выше черты бедности после того, как им оставалось имущество, защищённое иммунитетом. Современная тенденция заключается в предоставлении должникам возможности действительно начать сначала экономическую жизнь («fresh start»), и дебаты ведутся по поводу того, какой уровень благосостояния является достаточным. Существует также значительная

разница в эффективности и в издержках администрирования режима частичного иммунитета имущества должника.

Для России тоже характерны дискуссии о том, какой уровень благосостояния приемлем для должника-банкрота. В практическом плане они часто приводят к недопущению обращения взыскания на различные выплаты социального характера, в том числе на разовые выплаты в связи с пандемией коронавирусной инфекции. Но общий подход пока не выработан; это остаётся актуальной задачей для нового этапа осмысления института несостоятельности граждан.

9. ВЫПЛАТЫ СОГЛАСНО ПЛАНУ ПЛАТЕЖЕЙ

Как отмечалось выше, в российской модели несостоятельности граждан, по сути, работает одна процедура — реализация имущества. Практическая применимость упрощённого внесудебного банкротства граждан пока не очень существенна из-за серьёзного входного барьера — необходимости сначала провести исполнительное производство и завершить его в связи с отсутствием имущества у должника. Реструктуризация долгов, которая предполагает необходимость периодического внесения гражданином платежей, в нашем правовом порядке не работает, и планы реструктуризации почти не утверждаются; двести-триста планов в год — это уровень погрешности для нашей банкротной системы. В то же время многие модели банкротства предполагают наличие по крайней мере двух реально работающих моделей: условная реабилитационная процедура, основанная на выполнении должником плана платежей, и некоторый аналог конкурсного производства. Так построены, например, американская (Главы 7 и 11 Банкротного кодекса США) и английская модель (банкротство (Bankruptcy) по части IX Закона о несостоятельности — традиционная процедура, добровольное соглашение для граждан (Individual Voluntary Agreement, IVA) по части VIII Закона о несостоятельности — реабилитационная процедура; есть ещё упрощённое внесудебное банкротство — Debt Relief Order (DRO)). В этих моделях

сопоставимое количество граждан пользуется и реабилитационными процедурами, и традиционным банкротством.

Всемирный банк отмечает сравнительную распространённость в мире процедур несостоятельности, предполагающих необходимость выполнения гражданином-должником определённого плана платежей в пользу кредиторов как обязательного условия освобождения от обязательств. Такой подход называется «can pay, should pay» («имеешь возможность платить — следует платить»). Понятно, что он не имеет практического смысла для тех должников, у которых нет ни имущества, ни доходов. Но для людей с более или менее высоким уровнем доходов он имеет серьёзное экономическое обоснование (возможность погасить хотя бы часть требований за счёт будущих доходов должника) и, кроме того, напоминает о необходимости исполнения взятых на себя обязательств, пусть материальный эффект от такого исполнения и будет ограниченным.

Вот как это видят авторы Доклада:

424. Поскольку имеющееся в наличии имущество граждан-должников, как правило, является малоценным, существующие режимы несостоятельности обычно требуют определённых отчислений за счёт будущих доходов должников в обмен на преимущества, которые предоставляет система несостоятельности (обычно — списание невыплаченных долгов). Какая бы форма и степень освобождения от долгов граждан ни применя-

лась в конкретной системе, большинство систем несостоятельности граждан предусматривают скорее концепцию предоставления должнику возможности «заработанного» («earned start»), чем просто «нового» («fresh start») начала экономической жизни, когда от должников не ожидают последующих усилий по внесению определённого имущественного вклада.

Наш законодательный вариант пока всё-таки исходит из варианта «fresh start», а не «earned start». Хотя нельзя сказать, что принцип «can pay, should pay» полностью чужд российскому правопорядку. В п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 45 от 13 октября 2015 года сказано следующее: план реструктуризации долгов может быть утверждён судом без одобрения должника в том случае, «если не обладающий ликвидным имуществом должник, стабильно получающий высокую заработную плату, в целях уклонения от погашения задолженности перед кредиторами за счёт будущих доходов настаивает на скорейшем завершении дела о его банкротстве и освобождении от долгов».

Но это Постановление Пленума было выпущено сразу после принятия законодательных норм о банкротстве граждан и имело целью определение ориентиров для формирования судебной практики, а не обобщение существующих практических тенденций (их и не могло быть в тот момент).

В действительности разъяснение, данное Верховным Судом, пока оказалось невостребов-

ванным: за шесть лет действия норм о несостоятельности физических лиц было утверждено всего около 1 тысячи планов (для сравнения — за этот же период было введено 370 тысяч процедур реализации имущества, т. е. планы платежей составляют меньше 0,3% от общего количества дел). При этом попытки обращения к принципу «can pay, should pay» и указанному разъяснению Верховного Суда являются единичными и не приносят результата⁴⁷. Нам неизвестны случаи утверждения и дальнейшего исполнения плана реструктуризации имущества должника, против которого он возражал. Основные причины, на наш взгляд, следующие: 1) отсутствие прямой законодательной нормы, которая в определённых случаях признавала бы обязательным утверждение плана реструктуризации, и 2) из разъяснения Верховного Суда следует, что утверждение плана реструктуризации против воли должника может быть осуществлено лишь в виде исключения, при его явной недобросовестности, что ещё сильнее сужает практическую применимость данного разъяснения. Суды не склонны усматривать недобросовестность в поведении гражданина, который всего лишь стремится воспользоваться имеющимся у него правом пройти через процедуру реализации имущества.

425. Расширение перечня подлежащего распределению имущества должника за счёт его будущего дохода затрагивает

⁴⁷ См., Постановление 8 Арбитражного апелляционного суда от 9 июня 2021 г. № 08АП-3634/2021 по делу N А75-4634/2020 (суд первой инстанции утвердил план реструктуризации, исходя из п. 30 Постановления Пленума ВС №45, но апелляционная инстанция отменила его решение).

фундаментальные вопросы гуманного отношения к должнику — человеку из плоти и крови, который должен сохранять достаточно ресурсов для того, чтобы удовлетворять базовые потребности своей семьи. Кажущийся простым вопрос — как определить справедливый и разумный размер ожидаемых будущих платежей, особенно учитывая необходимые базовые расходы должника и сроки планов платежей, — оказался более комплексным и сложным, чем предполагалось.

Российская модель несостоятельности граждан не даёт прямого ответа на вопрос, каким должен быть график платежей и их разумный размер. Она исходит из того, что гражданин должен погасить задолженность в полном размере, если не договорился об ином с конкретным кредитором (п. 5 ст. 213.14 Закона о банкротстве), причём должен сделать это в течение трёх лет (п. 2 той же статьи). Это, видимо, ещё одна из причин столь малой популярности процедуры реструктуризации долгов: если за три года необходимо погасить всю задолженность перед кредиторами, то это применимо только к банковским кредитам, срок которых подходит к концу.

В то же время, как отмечают авторы Доклада, вопросы определения сроков и размера платежей относятся к наиболее сложным, не имеющим однозначного ответа вопросам в сфере банкротства физических лиц. Неудивительно, что он пока не разрешён в нашей системе несостоятельно-

сти граждан, которая совсем недавно появилась на свет.

426. Действительно, часть наиболее сложных вопросов в отношении несостоятельности граждан возникает в связи с определением условий плана платежей. Самые трудные вопросы касаются двух аспектов: в течение какого срока должникам необходимо трудиться на благо кредиторов и сколько они должны платить в течение этого времени; другими словами, какую часть дохода должники могут оставлять себе, используя «излишки» для погашения долга. Когда план платежей утверждён, эффективный режим несостоятельности граждан должен предусматривать распределение функций по мониторингу выполнения должником плана и возможность корректировки плана в связи с изменением обстоятельств.

Может быть, уклонение от решения этих вопросов было разумным на этапе первоначального принятия законодательных норм о несостоятельности граждан. Но сейчас, когда общее количество случаев банкротства физических лиц подходит к полумиллиону, а сам институт банкротства граждан стал привычным элементом правопорядка, имеет смысл вернуться к этим вопросам и посмотреть, нельзя ли решить их на этом новом уровне развития системы несостоятельности. Рекомендации Доклада могут в этом помочь. В-первых, нужно осознавать, каких целей предполагается достигнуть в несостоятельности граждан.

427. Ответ на вопрос о продолжительности плана платежей зависит от целей принудительного применения плана платежей в обмен на обещание освобождения от долгов в процедуре несостоятельности. Если цель состоит в простой максимизации платежей в пользу кредиторов, то можно выбрать более продолжительный срок, однако опыт показывает, что долгие сроки сокращают уровень возврата и снижают как привлекательность процедуры несостоятельности для должников, так и общий положительный эффект. Более краткий срок может способствовать достижению образовательной цели развития культуры платёжной дисциплины и исключения моральных рисков.

Необходимо найти баланс между интересами кредиторов, которые хотят реализовать как можно большую часть своих требований к должнику, и возможностями должника, который при продолжительном сроке процедуры лишится стимулов к участию в ней.

Во-вторых, стоит отказаться от идеи полного исполнения обязательств перед кредиторами как от общего правила в реструктуризации долгов. В противном случае реструктуризация останется редким исключением. При этом трёхлетний срок, который установлен в нашем законодательстве, как раз целесообразно сохранить. Всемирный банк отмечает, что именно этот срок, скорее всего, является оптимальным с точки зрения баланса интересов кредиторов и должников.

428. Наблюдается растущая тенденция к единообразию в отношении сроков плана платежей, но в их отношении по-прежнему существуют существенные различия. Эти различия могут быть связаны с социальными и культурными вопросами. Не существует единого ответа на вопрос об оптимальной продолжительности плана платежей; все существующие варианты имеют свои преимущества и недостатки. Необходимо установить баланс между амбициозными и реально достижимыми целями. Опыт многих стран показывает, что планы, сроки которых превышают три года, скорее не выполняются, чем приводят к успеху. Ожидание того, что должники будут более чем три года жить на уровне прожиточного минимума, могут быть нереалистичными.

Варианты с более продолжительным сроком реструктуризации долгов вряд ли стоит рассматривать с точки зрения практической целесообразности для установления в российском правовом порядке, тем более что от длинных сроков отказываются даже в тех странах, где они были традиционными (как это произошло в Германии в конце 2020 года, где шестилетний срок плана платежей был сокращён до трёх лет, как и рекомендует Всемирный банк). Немецкий опыт долгосрочных планов платежей показывает в частности, что значительная часть получаемых средств идёт не на погашение задолженности перед кредиторами, а на администрирование самой процедуры.

Авторы Доклада говорят о том, что можно принять определённые меры для смягчения негативного эффекта от большей продолжительности планов платежей, но это именно смягчение, а не устранение этого эффекта.

429. Для того чтобы смягчить негативный эффект от большей продолжительности планов платежей, можно применять различные меры. Они включают 1) использование скользящей шкалы или 2) более длительный срок платежей для должников, которые не могут внести существенного материального вклада, и раннее освобождение от долгов тех должников, которые осуществляют более значительные платежи, в качестве меры поощрения; тем самым создаётся система стимулов для должников. С другой стороны, применение более продолжительных сроков для хронически нуждающихся должников скорее создаст обратный эффект.

Удлинение срока платежей для тех граждан, которые на практике оказываются не в состоянии выплатить сколько-нибудь существенную часть своих долгов, приводит лишь к тому, что они теряют стимулы к более производительной работе и лишаются надежды освободиться от долгов в обозримом будущем. Вряд ли это разумное правило.

Сумма, которую нужно оставлять гражданину в течение осуществления им выплат по плану платежей, видимо, может быть связана с размером прожиточного минимума (быть кратной такому

размеру) либо минимальным размером доходов. Или, как в действующей норме Закона о банкротстве (п. 5.1 ст. 213.11), может быть указан общий размер денежных средств, которые вправе тратить должник (сейчас это 50 тысяч рублей в месяц, причём по его ходатайству суд может увеличить данную сумму). Но, учитывая, что мы рассматриваем ситуацию, когда выполнение плана платежей является обязательным условием освобождения от долгов, целесообразно более подробно регламентировать на уровне закона и объём этих платежей, и их примерные цели (материальное обеспечение самого должника и зависящих от него лиц).

430. Ещё один фундаментальный вопрос в отношении планов платежей относится к определению суммы, которую нужно оставлять для разумной поддержки должника и зависящих от него членов семьи. План платежей должен основываться на оценке доходов, которые должник будет получать в течение срока действия плана. В связи с этим возможны два основных подхода: на основе текущего или планируемого уровня доходов.

Планирование на основе текущего уровня доходов в большинстве случаев окажется более консервативным инструментом, поэтому, на наш взгляд, целесообразно применять его в качестве общего правила. В тех же случаях, когда должник может с достаточной степенью убедительности обосновать, что в определённые сроки уровень

его доходов изменится, разумно учитывать планируемый уровень.

Одна из принципиальных сложностей для формирования работающей реабилитационной процедуры в банкротстве граждан — необходимость создания для граждан стимулов к тому, чтобы исполнять план платежей. Ранее мы отмечали, что, например, чрезмерно длинный срок такого плана — это отрицательный стимул. Основной же положительный стимул — это сокращение сроков платежей для тех граждан, которые достигают определённого уровня выплаты задолженности.

431. Стимулы к повышению эффективности деятельности должников играют главную роль для целей планов платежей. Поскольку одна из основных целей системы несостоятельности заключается в том, чтобы поощрять граждан к большей экономической эффективности, сложность состоит в том, чтобы создать систему стимулов для повышения такой эффективности и избежать обратного эффекта, то есть ситуации, когда должники решают не предпринимать существенных усилий для получения более высоких доходов. Для создания позитивной динамики выполнения планов платежей могут использоваться как положительные, так и отрицательные стимулы.

К сожалению, сбалансированная ситуация здесь может быть достигнута только методом проб и ошибок, какое-то универсальное средство вряд ли можно найти, что справедливо отмечают

авторы Доклада. Для этого придётся использовать и жёсткие правила (лимиты расходов), и элемент свободного усмотрения (возможность превышения этих лимитов, если можно доказать, для каких обоснованных целей они превышаются).

432. Базовые расходы должника — значимый фактор, который необходимо принимать во внимание для целей планов платежей. При регулировании отношений, связанных с планами платежей, законодатели должны учитывать, что должникам необходимо оставлять суммы, необходимые для оплаты хотя бы собственных базовых расходов и расходов на содержание зависящих от них членов семьи. Одна из наиболее значимых трудностей в определении надлежащего бюджета для должников — определение того, каким образом можно добиться справедливого и равного отношения. Определение надлежащей суммы, которой должник обязан пожертвовать ради того, чтобы получить освобождение от долгов в рамках процедуры несостоятельности, — это, по сути, политическое решение. В любом случае выбор оптимального подхода к бюджетированию плана платежей — не простой выбор между двумя решениями — свободным усмотрением и жёсткими, полностью определёнными правилами. Желательна и, видимо, неизбежна комбинация правил и элементов дискреции.

Эксперты Всемирного банка рекомендуют использование такого подхода, в рамках которого

к должникам применяются те же правила об уровне вычетов из их регулярных доходов, какие применяются вне сферы банкротства.

433. Наиболее простым и распространённым подходом к выбору базового стандарта бюджетирования плана платежей был такой подход, в рамках которого система несостоятельности рассматривается как продолжение системы взыскания долгов с применением к ней таких же обоснований размера вычетов из дохода должника. Но выбор единого объективного стандарта не обязательно означает применение одного показателя ко всем должникам в любых ситуациях. Вместо этого в существующих системах несостоятельности граждан сформированы правила распределения должников на группы, имеющие принципиально различные характеристики. К каждой из групп применяются свои размеры вычетов из доходов, часто с предоставлением возможности увеличить эти стандартные размеры для особых, экстраординарных расходов.

В российском законодательстве есть общее правило о пятидесятипроцентном предельном размере вычетов из периодических доходов (в случае уплаты алиментов на несовершеннолетних детей, возмещения вреда жизни и здоровью, возмещения вреда, причинённого преступлением, этот размер может достигать семидесяти процентов). Кроме того, на целый ряд доходов взыскание не может обращаться в принципе (в основном это соци-

альные выплаты и возмещение ущерба здоровью в различных формах). Но эти правила о пятидесятипроцентном размере вычета не применяются в банкротстве. Более того, именно наличие этих ограничений стимулирует кредиторов к более активному инициированию банкротства должников.

434. Одна из самых насущных проблем — выработка подхода к тем должникам, у которых нет достаточных доходов, которыми можно было бы распорядиться в рамках плана платежей. У таких должников, к которым обычно применяется термин NINA (No Income, No Assets /нет заработка, нет активов), могут быть достаточные ресурсы для удовлетворения их базовых потребностей, но у них нет дополнительных средств для передачи кредиторам. Существенное количество должников во всех системах несостоятельности граждан сегодня относится к этой категории. Поскольку такие должники ничего не возвращают кредиторам и тем самым не способствуют достижению одной из важнейших целей системы несостоятельности, некоторые системы не предоставляют им практической возможности освобождения от долгов. Другие системы не прибегают к дискриминации такого типа и предоставляют одинаковое освобождение от долгов всем должникам вне зависимости от средств, которыми те располагают. Сокращение формальностей и расходов на проведение процедур несостоятельности может оказаться

полезным для того, чтобы помочь в решении этой проблемы.

Эта часть проблемы базово решена в рамках российской модели несостоятельности граждан, которая предусматривает возможность внесудебного банкротства для малоимущих граждан. Но в нашей системе создан достаточно высокий барьер для входа — необходимо наличие исполнительного производства, законченного из-за отсутствия у должника имущества. Поэтому сам юридический механизм есть, и его уровень достаточно высокий (см. выше раздел «Институциональная основа»), но для его полноценного использования необходимы дополнительные точечные изменения.

435. Трудности, с которыми приходится сталкиваться в процедуре несостоятельности граждан, не заканчиваются с утверждением плана платежей. Должники, изо всех сил пытавшиеся изыскать необходимые средства для осуществления надлежащих платежей кредиторам до начала процедуры несостоятельности, скорее всего будут продолжать такие попытки и после. Необходимы инструменты для мониторинга исполнения плана, который может быть скорректирован в случае изменения ситуации, в которой находится должник, особенно если законом установлен продолжительный период реабилитации для должников.

Теоретическая возможность изменения плана платежей по инициативе должника существует

и в нашем правопорядке; для этого предусмотрена специальная процедура. Гражданин направляет предложения по изменению плана арбитражному управляющему, тот проводит собрание кредиторов, которое может одобрить или отклонить изменения (ст. 213.20 Закона о банкротстве).

Авторы Доклада говорят также о моделях несостоятельности, в которых план платежей утверждается и исполняется после реализации имеющихся активов гражданина. Таким образом, определённые категории людей проходят сразу две процедуры несостоятельности. (В России очень многие граждане также проходят эти две процедуры, но в обратной последовательности: сначала вводится процедура реструктуризации долгов, а затем — более чем в 99% случаев — реализация имущества).

436. Существуют подходы, сочетающие реализацию имущества с планами платежей. Для достижения исторически основной цели всех систем несостоятельности — повышения эффективности усилий по получению возврата задолженности перед кредиторами — большинство режимов несостоятельности граждан сегодня сочетают два подхода к платежам: 1) продажа имущества должника, на которое не распространяется иммунитет от взыскания и которое принадлежало должнику на момент начала процедуры, и 2) многолетний план платежей для получения обычно более существенного возмещения для кредиторов за счёт потенциального дохода должника

в будущем. Хотя существуют очевидные преимущества в сочетании этих подходов, прохождение каждого случая несостоятельности через обе процедуры влечёт и значительные сложности, и не все системы вынуждают любых должников проходить обе процедуры извлечения стоимости для кредиторов.

На наш взгляд, эта модель может иметь смысл для случаев несостоятельности гражданина, активов которого недостаточно для исполнения всех обязательств, но имеющего сравнительно высокий уровень доходов.

437. Основной недостаток каждого из подходов к извлечению стоимости для кредиторов — это непродуктивные издержки: расходование времени, денег и затрата распределённых по всей процедуре административных ресурсов. Во многих случаях, хотя сами системы действительно достигают многих целей несостоятельности граждан, актуальных для должников и общества в целом, планы платежей не приносят существенного финансового результата для кредиторов. Опыт многих систем вызывает обоснованные сомнения по поводу эффективности применения административных ресурсов к процессу, который часто не приносит прямой экономической отдачи кредиторам.

В литературе отмечается, что планы платежей не самый эффективный механизм погашения задолженности. Во-первых, часть ежемесячного дохода гражданина (которому и раньше не хватало

этого дохода для уплаты долгов) — достаточно скромный материальный источник. Во-вторых, существенная доля получаемых денег направляется на администрирование процедур, так что до кредиторов дойдёт лишь небольшая часть. Поэтому авторы Доклада справедливо обращают внимание на ещё один аспект — моральную и образовательную функции плана платежей.

438. Даже если планы платежей не особенно эффективны с финансовой точки зрения, есть представление, что эти планы служат важным моральным и образовательным целям. Планы платежей часто оцениваются в большей степени не как средство возврата задолженности кредиторам, а как способ внедрения культуры платёжной дисциплины среди должников. Так, немногие существующие системы несостоятельности позволяют большому количеству должников получить освобождение от долгов, минуя процедуру продажи имущества и/или плана платежей.

Действительно, концепция предоставления должнику возможности «заработанного» («earned start»), а не просто «нового» («fresh start») начала экономической жизни предполагает, что он должен поступиться чем-то достаточно важным, чтобы «заслужить» освобождение от долгов. Кроме того, это несколько смягчает остроту моральной проблемы, заключающейся в том, что одним людям (банкротам) разрешают не исполнять такие же обязательства, которые другие (платёжеспособные должники) исполняют годами. Правда, это

порождает другую моральную проблему: почему те, у кого в принципе ничего нет, освобождаются от долгов по упрощённой процедуре несостоятельности, а те, у кого есть что-то, платят на регулярной основе несколько лет. Удовлетворительного решения этой новой проблемы пока не видно.

10. ВЫПЛАТА ИПОТЕКИ

Судьба обязательств должника, обеспеченных ипотекой, — важный вопрос, часто возникающий в процедурах несостоятельности граждан. С одной стороны, недвижимость обычно является едва ли не единственным активом должника, на который можно эффективно обратить взыскание. С другой стороны, социальная функция банкротства граждан предполагает желательность поиска компромиссных вариантов, дающих гражданам возможность при определённых условиях сохранить заложенное по договору ипотеки жильё.

439. Важный вопрос, затрагивающий несостоятельных должников, — как поступать с ипотекой. Этот аспект жилищного кредитования создаёт особенно сложные проблемы, для которых по-прежнему не находится простых решений.

В п. 441 Доклада авторы подчёркивают ту особенность ипотеки, что предмет обеспечения — обычно самый ценный актив должника, который также играет важную и масштабную социальную роль. Ввиду экономической важности эффективный режим ипотеки, включая принудительное исполнение обеспеченных обязательств в целом и ипотеки в частности, является фундаментальным элементом финансовой системы любой страны.

В Докладе отмечается, что в мировой практике права залоговых кредиторов часто либо ограничиваются в незначительной степени во время банкротства должника, либо банкротство вообще

на них не влияет, и они могут исполняться в регулярном режиме.

440. Во многих системах правá обеспеченных кредиторов либо не ограничиваются, либо вообще не затрагиваются. У большинства должников мало ценных активов, которые были использованы или могли быть использованы в качестве обеспечения их обязательств. В случаях, относящихся к обеспеченным требованиям в целом и ипотеке в частности, кредиторы обычно уже успевают обратить взыскание на предмет обеспечения к моменту, когда должник подал заявление о несостоятельности, либо система позволяет им обратиться взыскание даже после подачи такого заявления.

В российском законодательстве выбран скорее первый вариант из указанных в Докладе, но права залоговых кредиторов в банкротстве граждан реализуются с некоторыми ограничениями. Главное из них: не вся сумма, полученная от продажи заложенного имущества (в том числе предмета ипотеки), направляется на удовлетворение требований залогового кредитора, а только восемьдесят (семьдесят, если залог не обеспечивает кредитный договор) процентов. Остальная часть используется для погашения требований кредиторов первой и второй очередей, а также для оплаты судебных расходов, вознаграждения арбитражного управляющего и оплаты услуг привлечённых им контрагентов. Если предмет ипотеки был продан до возбуждения дела о банкротстве и соответствующая сделка была успешно оспорена по специ-

альным банкротным основаниям (максимальный срок исковой давности — три года), то, как правило, кредитор возвращает в конкурсную массу не все полученные деньги, а только двадцать (тридцать) процентов (восемьдесят-семьдесят процентов он оставляет за собой, так как в любом случае получил бы их в банкротстве).

442. В некоторых странах приняты решения, которые учитывают как интересы должников, так и права обеспеченных кредиторов в процедуре несостоятельности. Отправная точка состоит в том, что права обеспеченных кредиторов защищаются в своём базовом содержании, но определённые изменения вносятся в режим их принудительной защиты или в другие аспекты. Какого рода эти изменения, зависит от целого ряда сложных соображений.

Специальных норм, которые позволили бы сохранить предмет ипотеки в банкротстве, в российском законодательстве пока нет, за исключением ситуации, когда платёжеспособность должника удастся восстановить в рамках выполнения плана реструктуризации долгов (но, как было показано выше, это практически нереально). В то же время в мировой практике есть специальные варианты регулирования, позволяющие сохранить предмет ипотеки. Например, Глава 13 Банкротного кодекса США даёт возможность физическому лицу со сравнительно высоким уровнем доходов реструктурировать свою задолженность по иным обязательствам, чем ипотечный кредит, на срок до пяти лет и сохранить обязательства по ипотеке — у него

останется возможность сохранить заложенную недвижимость. Но в течение этих пяти лет ему необходимо надлежащим образом (в срок и в установленном размере) вносить платежи по ипотечному кредиту.

443. Некоторые системы выработали определённый баланс между опасениями дестабилизации рынка ипотечных кредитов и риском выселения значительного количества должников из их жилищ, особенно в свете негативного влияния массового обращения взыскания на заложенное жильё на цены на рынке недвижимости во времена системных кризисов. Такие системы в большей или меньшей степени стараются убедить кредиторов принять факт проблемного положения должников и снижения стоимости заложенной недвижимости, согласиться с реалистичной оценкой возможности должников осуществлять выплаты по кредитам и избегать поспешных попыток обращения взыскания на предмет обеспечения, влекущих за собой дополнительные убытки, которых можно было бы избежать. Среди всех выработанных мер наиболее часто применяются следующие: мораторий, альтернативные механизмы разрешения споров, снижение процентных ставок, продление периодов платежей и, возможно, снижение размера основного долга.

11. СПИСАНИЕ ДОЛГОВ

Списание долгов — итоговый элемент несостоятельности граждан, ради которого — по крайней мере, с позиций должника — и проводится вся процедура. В разделе «Прощение долгов как основная идея личного банкротства» настоящей книги проводится мысль о том, что это, может быть, вообще является главной целью института банкротства физических лиц. Авторы Доклада более осторожны в своей оценке списания долгов, но тоже придают ей особую важность.

444. Процедура списания долгов является одной из характерных особенностей современных систем регулирования несостоятельности физических лиц. Одна из основных целей такой системы — восстановление экономического потенциала должника или, иными словами, экономическая реабилитация.

Таким образом, из Доклада следует, что списание долгов граждан-банкротов главным образом направлено на их полноценное возвращение в экономическую жизнь общества, на поощрение их хозяйственной, в том числе предпринимательской, активности и в конечном счёте на обеспечение экономического роста в стране. При этом стоит учитывать, что несостоятельность физических лиц в таком общем контексте является лишь одной из мер по возвращению людей в полноценный хозяйственный оборот. Немалую роль здесь играют иные меры социальной политики: доступ к здравоохранению, социальное и пенси-

онное обеспечение, страхование, режим гарантий и льгот. Само по себе банкротство физических лиц не является панацеей. Без комплексных социальных мер очень многие должники-банкроты через некоторое время вернутся к прежней ситуации. Более того, даже в достаточно развитых системах потребительского банкротства, в которых действуют и иные меры социального обеспечения, значительное количество граждан снова попадают в тяжёлую экономическую ситуацию в течение очень небольшого периода времени после освобождения от долгов. Так, по свидетельству американских учёных Кэтрин Портер (Catherine Porter) и Деборы Торн (Deborah Thorn), проводивших комплексное юридико-социологическое исследование последствий несостоятельности граждан в США, 35% должников, прошедших процедуру банкротства, указали, что через год после завершения процедуры они оказались в таком же положении, как и перед банкротством, или даже в худшем⁴⁸. Поэтому нельзя считать, что экономическая реабилитация граждан через несостоятельность является безусловной.

445. Предполагается, что процесс реабилитации включает три составляющие: списание долгов, отсутствие дискриминации и предотвращение чрезмерной задолженности в будущем. Во-первых, в большинстве случаев должники освобождаются от чрезмерных долгов. Преимущество освобождения от задолженности

⁴⁸ *The Failure of Bankruptcy's Fresh Start. K. Porter, Dr. Deborah Thorne// Cornell Law Review. Vol.92. 2006. P.P. 69-70/.*

широко обсуждались с точки зрения должников, кредиторов и общества. Во-вторых, эффективной реабилитации способствует равное отношение как к должникам, так и к лицам, не являющимся должниками после освобождения от долгов в соответствии с принципом недискриминации. Наконец, чтобы обеспечить долгосрочное освобождение, должники должны быть в состоянии избежать чрезмерной задолженности в будущем, что может потребовать принятия мер по изменению отношения должников к правильному использованию кредита.

Можно согласиться с правильностью определения трёх направлений экономической реабилитации гражданина, одним из которых является списание долгов. Второе и третье направления имеют не меньшую значимость, потому что списание долгов — лишь отправная точка в процессе экономической реабилитации. Важно, как с гражданином, прошедшим процедуру банкротства, будут выстраивать отношения профессиональные кредиторы (банки); не менее важно, чтобы он вёл себя ответственно с финансовой точки зрения.

Далее авторы Доклада предлагают краткие выводы по каждому из направлений реабилитации.

446. Наиболее эффективной формой освобождения от долгов является прямое списание задолженности. Прямое списание долгов обеспечивает немедленную и безусловную реализацию концепции «нового начала» («fresh start») для должника.

Между тем, большинство систем продолжают отвергать идею прямого списания долгов, а в особенности возможность освобождения от задолженности без исполнения плана платежей.

В то же время прямое списание долгов сразу после завершения процедуры, как это делается и в России, вступает в противоречие с идеей «earned start» — «заработанного» начала новой экономической жизни. Думается, оптимальным здесь будет диверсифицированный подход к различным группам граждан, исходя из их имущественного положения и дохода. Для людей, относящихся к категории должников «NINA» (No Income, No Assets — нет заработка, нет активов), — самая простая административная процедура с оперативным списанием долгов, как, например, российское внесудебное банкротство. Для должников «LILA» (Low Income, Low Assets — небольшой заработок, несущественные активы) — процедура с проверкой их добросовестности, продажей того имущества, которое у них есть (с учётом исполнительского иммунитета), и списание оставшихся долгов. Так делается в российской процедуре реализации имущества. И, наконец, для должников с достаточно высоким уровнем дохода применяется подход «can pay, should pay»: «имеешь возможность платить — следует платить». Такие должники могут освободиться от обязательств после продажи имеющегося имущества и выполнения трёхлетнего плана платежей, причём погашение всей задолженности не является обязательным, а размер ежемесячных платежей дол-

жен обеспечивать приемлемый уровень жизни для должника и членов его семьи.

Второе направление — отсутствие дискриминации в отношении гражданина, прошедшего процедуру несостоятельности и освободившегося от долгов.

447. Принцип недискриминации является важным фактором для получения всех преимуществ списания долгов, хотя существующими системами данный фактор учитывается в незначительной степени. Одна из проблем существующих систем кредитной информации заключается в том, что подача заявления о несостоятельности отражается среди иных «отрицательных» записей кредитной истории по крайней мере в течение ограниченного временного периода после завершения дела о несостоятельности, что часто приводит к дискриминации в отношении бывших должников — физических лиц, которые прошли через процедуры несостоятельности.

Проблема, которая отмечена в Докладе, действительно существует, и она актуальна для российского правового порядка, где гражданин обязан сообщать своим потенциальным кредиторам по договору займа или кредита, что он был признан банкротом, в течение пяти лет после завершения процедуры реализации имущества или прекращения производства по делу о банкротстве в ходе такой процедуры (п. 1 ст. 213.30 Закона о банкротстве). Прямой дискриминации в этом нет, но банки неохотно кредитуют бывших

банкротов, хотя, казалось бы, в чём-то они даже предпочтительнее иных граждан: сразу после завершения процедуры несостоятельности у них, скорее всего, нет скрытой задолженности, которая не видна банку.

Третье направление — обеспечение более ответственного поведения со стороны должника в будущем.

448. Существующие системы несостоятельности отражают различные подходы в стремлении избежать повторной подачи должниками заявлений о несостоятельности при ситуации чрезмерной задолженности в будущем. Многие системы пытаются обучить должников более полезному и ответственному использованию кредита. В некоторых из них неплатёжеспособность физических лиц рассматривается как событие «раз в жизни». Другие запрещают должнику, задолженность которого списана, возбуждать производство по делу о несостоятельности в течение определённого периода времени. Добиться изменения отношения к должникам после окончания процедуры освобождения от долгов или каким-то образом повлиять на такое отношение представляется крайне затруднительным.

Российская система несостоятельности в этом смысле сравнительно благоприятна для должника: она не запрещает ему обращаться к институту несостоятельности несколько раз в течение жизни. Конечно, есть и ограничения. Во-первых, в течение пяти лет после завершения процеду-

ры банкротства (в более строгом юридическом смысле — после завершения процедуры реализации имущества или прекращения производства по делу о банкротстве в ходе такой процедуры) гражданин не может подавать заявление о собственном банкротстве. Во-вторых, если в течение этого срока заявление о его банкротстве подаст кто-то другой, то должника не освободят от обязательств (п. 2 ст. 213.30 Закона о банкротстве). Установление таких сроков свидетельствует о том, что российское законодательство учитывает интересы добросовестных должников и не считает несостоятельность каким-то уникальным событием для человека, которое может случиться раз в жизни. Это играет положительную роль в постепенно снижающейся стигматизации банкротства, которая по-прежнему характерна для массового сознания.

Возвращаясь к первому направлению экономической реабилитации гражданина-банкрота, авторы Доклада обращают внимание на значение принципа добросовестности для списания долгов гражданина.

449. Упоминание принципа добросовестности присутствует почти во всех законах о несостоятельности в целях недопущения злоупотребления правом на списание задолженности и предотвращения морального риска и мошенничества. Центральная идея режима несостоятельности физических лиц состоит в том, чтобы помочь несчастным, но честным должникам. Мошенническое поведение может быть наказано

отказом в списании долгов во всех системах несостоятельности.

Этот вывод нашёл безусловное отражение в российской системе несостоятельности граждан. Правда, наше законодательство о банкротстве граждан прямо не задействует термин «добросовестность», а устанавливает конкретные основания для отказа в освобождении гражданина от обязательств, то есть в списании долгов. Это три группы обстоятельств (п. 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве). Во-первых, привлечение гражданина к уголовной или административной ответственности за неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное или фиктивное банкротство (имеется в виду ситуация, когда он привлечён к ответственности за правонарушение именно в рамках этого дела о своём банкротстве). Во-вторых, непредоставление или предоставление заведомо недостоверных сведений арбитражному управляющему или суду в рамках дела о банкротстве. В-третьих, это случаи доказанных незаконных действий должника при возникновении или исполнении требований кредиторов (мошенничество, уклонение от погашения кредита, налогов или сборов, предоставление заведомо ложных сведений, сокрытие или умышленное уничтожение имущества). Можно предположить, что в законе указаны частные случаи заведомо недобросовестного поведения должника, дающие основание для отказа в освобождении его от ответственности, для того чтобы сократить число случаев чрезмерно широкого толкования судами принципа добросовестности и обеспечить макси-

мально широкий доступ к освобождению от долгов. Исследование, проведённое три года назад экспертами «Арбитраж.Ру» и не утратившее актуальности, показало, что наиболее популярная группа оснований для отказа в списании долгов — это непредоставление информации, с небольшим отрывом за ней следуют незаконные действия, а привлечение к уголовной или административной ответственности применяется в пять раз реже⁴⁹. В целом шесть лет правоприменительной практики показали, что суды не склонны расширительно толковать содержание оснований для отказа в освобождении от долгов, хотя на начальном этапе такие судебные акты выносились (например, в известном деле о банкротстве В.А. Овсянникова, где суды посчитали, что должник принял на себя заведомо неисполнимые обязательства, так как размер платежей по ним превышал его официальный доход, при этом отказавшись принять во внимание наличие у должника «неофициальных» подработок, — №А45-24580/2015).

Помимо отказов в списании долгов, которые являются исключением из общего правила, существуют также долги, которые в принципе не могут быть списаны даже после завершения процедуры несостоятельности добросовестного должника.

450. Для целей реабилитации важно, чтобы в объём списанной задолженности включалось наибольшее количество долгов. Между тем, существуют долги, которые

⁴⁹ Отказ в освобождении от долгов. Обзор судебной практики. А. Стешенцев, А. Кобенко, В. Ефремов, А. Малькова. — Арбитраж.Ру. — 2019.

могут быть исключены из процедуры списания по важным социальным или экономическим соображениям. Наиболее частыми исключениями являются: алименты на детей и супругов, штрафы и другие санкции, налоги и образовательные кредиты. Как правило, списание долгов не влияет на задолженность, возникшую после открытия производства по делу о несостоятельности.

В российской системе несостоятельности гражданин не освобождается от обязательств, связанных с возмещением вреда жизни или здоровью, морального вреда, выплатой заработной платы и выходного пособия, взысканием алиментов и иных обязательств, неразрывно связанных с личностью кредитора (п. 5 ст. 213.28 Закона о банкротстве). Кроме того, он не освобождается и от обязательств по текущим платежам — ситуация, на которую отдельно указывают авторы Доклада.

Стоит согласиться с авторами Доклада в том, что несостоятельность гражданина — комплексное явление, затрагивающее не только его самого, но и членов его семьи, причём не только в части возможного снижения их общего материального благосостояния.

451. Одна из проблем, связанных с процедурой списания долгов, заключается в том, что наличие проблемной задолженности очень часто затрагивает не только должника, но и членов его семьи.

Иногда члены семьи и другие близкие должника оказываются вовлечёнными в его

экономический кризис, так как в обеспечение обязательства было оформлено их личное поручительство или их имущество было предоставлено в качестве залога. Поскольку погашение задолженности можно потребовать от поручителя или извлечь из стоимости залога, если основной должник не платит или является неплатёжеспособным, поручители часто сталкиваются с платёжными требованиями накануне или после открытия процедуры несостоятельности. Во многих странах поручители находятся в затруднительном положении, однако в настоящее время существуют предпосылки возникновения тенденции к большей гибкости регулирования в отношении поручителей, пострадавших в результате несостоятельности основного должника.

В нашей системе несостоятельности пока нет специальных правил об ответственности поручителей — членов семьи должника, которые часто не осознают последствий принятия на себя обязательств по договору поручительства. Кроме того, часто такое поручительство является обязательным условием кредитования основного должника. Но проблема актуальна и для нас, поэтому в обозримом будущем придётся искать её решение.

Таким образом, рассмотрев все выводы и рекомендации в сфере банкротства граждан, которые делали привлечённые Всемирным банком эксперты десять лет назад, можно с уверенностью сказать, что российское законодательство о банкротстве (и практика его применения) во многом соответствует их предложениям. Очевидна направленность российской модели несостоятельности граждан на системное освобождение добросовестных граждан от долгов. На это указывает и количество дел о банкротстве граждан, и устойчивая тенденция к их росту, и огромная доля освобождённых от долгов людей из числа допущенных к процедуре (99,5%!). На их пути, конечно, имеются некоторые барьеры, но это не самые значительные препятствия из тех, которые существуют в современном мире. Цена процедуры для гражданина в целом является разумной. Более того, в России с 2020 года действует одна из самых передовых систем внесудебного банкротства граждан, которая бесплатна для должника.

В то же время есть и явные «зоны роста». Во-первых, не работает реабилитационная процедура: 99% реструктуризаций долгов завершается введением реализации имущества, за последние три года ежегодно утверждается всего 200–300 планов реструктуризации. Во-вторых, на законодательном уровне не закреплён ни принцип «*can pay, should pay*», ни тем более механизм его реализации. В-третьих, до-

ступ к упрощённому внесудебному банкротству для малоимущих граждан затруднён высоким формальным барьером (критерий исполнительного производства, прекращённого в связи с отсутствием имущества). В-четвёртых, желательно упростить порядок установления требований кредиторов, отказавшись от обязательного судебного рассмотрения хотя бы бесспорных требований.

А. Амелин, А. Смирных

**ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ДОЛГОВ
В ЛИЧНОМ БАНКРОТСТВЕ**

 Издание книг.КОМ

Генеральный директор Егор Панурин

Дизайнер-верстальщик Дмитрий Збраилов

Корректор Светлана Левина

Интернет-магазин издательства:

izdanieknig.com/catalog

По вопросам издания, продвижения или приобретения
книг оптом пишите на *info@izdanieknig.com*

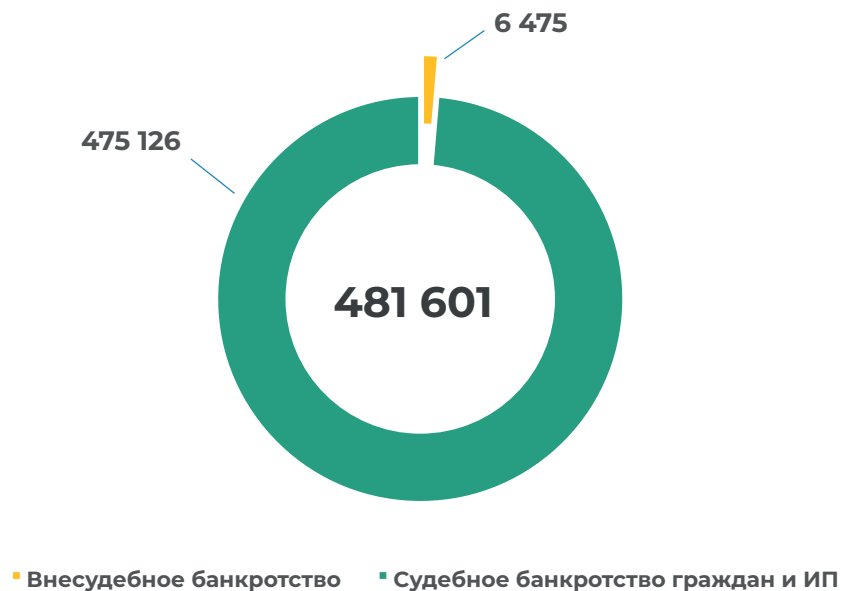
Формат 84×108/32 Объем 7,56 усл. п. л.
Изд. № 2207-И. Заказ № .
Отпечатано в Т8 «Издательские Технологии»

ООО «Издание книг ком»
Сдано в набор 19.04.2022 г.
Подписано в печать __ г.
Тираж 200 экз.

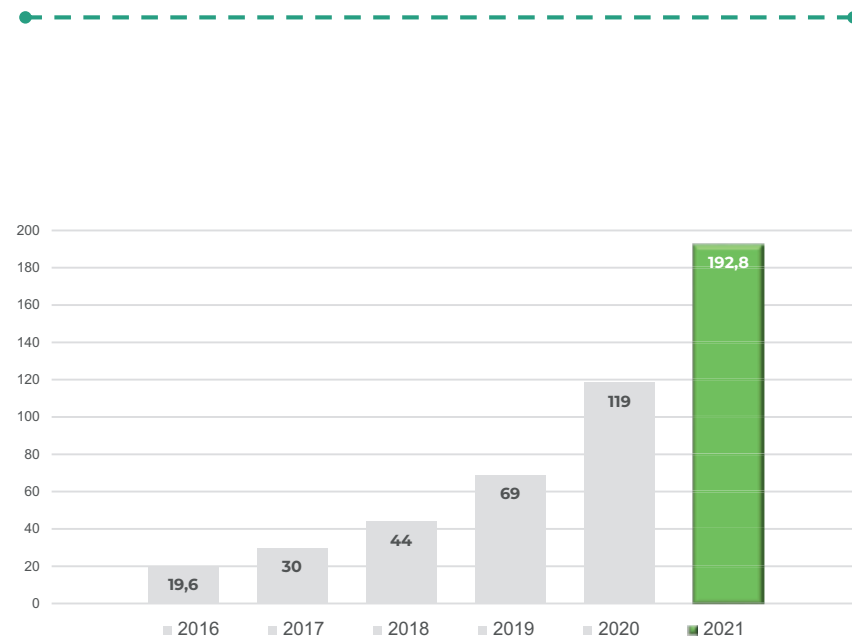
**Аналитические
материалы о личном
банкротстве
в России**

Банкротство граждан

на 01.01.22

Количество решений судов о признании гражданина банкротом, тыс.

на 01.01.22

Сроки процедур банкротства

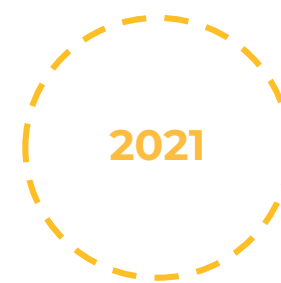

Возврат в процедурах банкротства

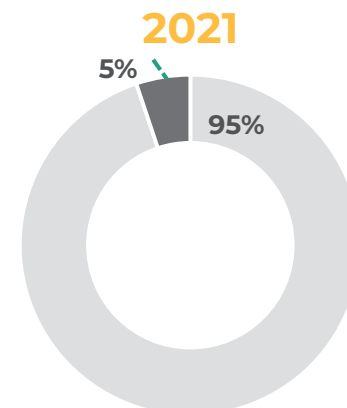
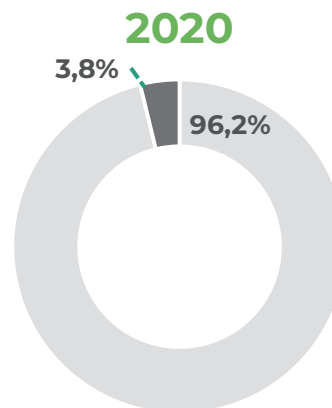
кредиторы ничего не получили в **69%** процедур

Включено требований на **319,5 млрд руб.**

Включено требований на **485,6 млрд руб.**

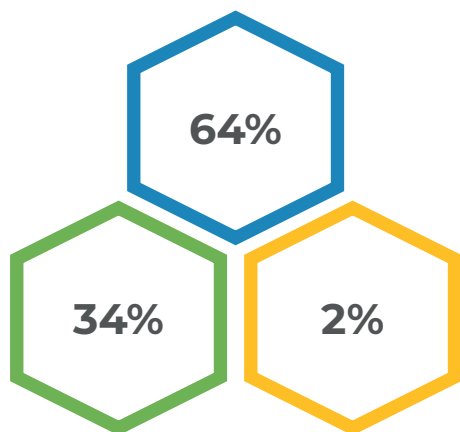

■ Не удовлетворено требований
■ Удовлетворено требований

■ Не удовлетворено требований
■ Удовлетворено требований

Расходы в процедурах банкротства

Расходы в 2021 г. составили 19% от суммы погашенных требований

50% ➤ 64% Вознаграждение АУ

46% ➤ 34% Прочие расходы

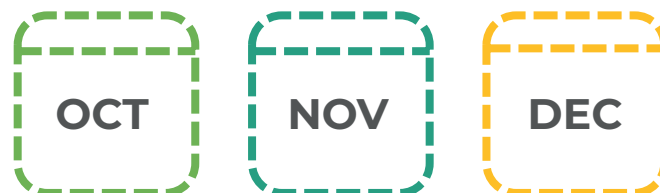
4% ➤ 2% Привлеченные специалисты

«Сезонность» банкротства граждан

- самые популярные месяцы для подачи заявлений:
август, сентябрь, декабрь

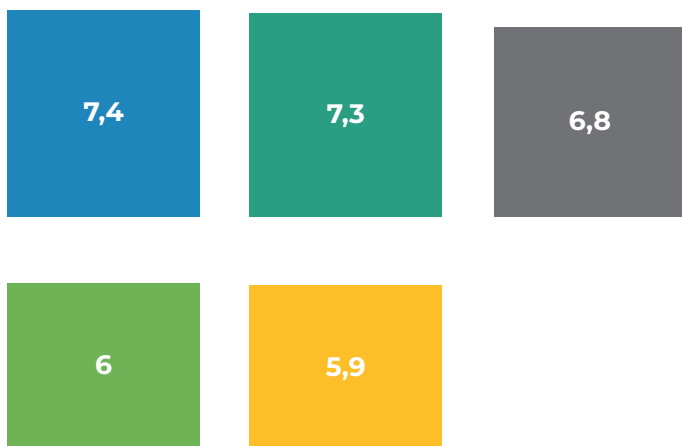
- новые процедуры в основном вводятся в период
октябрь, ноябрь, декабрь

Портрет банкрота в 2021 году

ТОП-5 регионов с абсолютным
количеством банкротов, тыс.

- г. Москва
- Московская область
- Краснодарский край
- г. Санкт-Петербург
- Самарская область